

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ЮСТИНИАНА

1. ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ ЮСТИНИАНА

1. Причины кодификации права при Юстиниане

В памяти многих поколений представление о правлении Юстиниана всегда было связано с грандиозной кодификацией римского права, принятой в Византии в царствование этого императора. Трудно найти в средневековой, да и в новой истории другой пример столь же широкой по своим масштабам реформы права, оказавшей такое длительное и сильное воздействие на развитие последующей юридической науки. Немало гипотез в науке создавалось о причинах, породивших законодательство Юстиниана. Среди них назывались важные, второстепенные и малозначительные, и только марксистская наука дала более глубокое толкование причин появления знаменитого *Corpus juris civilis* Юстиниана¹.

Грандиозное творение, называемое «храмом правовой науки» и приписываемое воле великого законодателя Юстиниана, по сути дела было рождено самой жизнью. Коренные изменения социально-экономических и политических отношений в империи IV—VI вв. с неумолимой настойчивостью требовали перестройки старых правовых норм, лежащих мертвой глыбой на пути дальнейшего прогресса. Выражаясь языком социологических категорий, было настоятельно необходимо привести в соответствие правовую часть надстройки общества с развивающимися и меняющимися производственными отношениями. Говоря историческим языком, необходимо было привести несколько уже закостенелое и застывающее римское право в соответствие с реальной действительностью. Но каким путем нужно было идти при выполнении этой труднейшей задачи? Перед господствующим классом империи стояла дилемма: применять на практике старое законодательство с множеством уже устаревших и отживших институтов и правовых норм было крайне затруднительно, создать новое законодательство, навсегда простившись с овеянным величием древних традиций и во многом еще пригодным для жизненных потребностей римским правом, — невозможно. Оставался лишь средний путь — путь кодификации и систематизации римского права, по возможности с учетом тех изменений, которые произошли в реальной жизни. И правительство Юстиниана пошло по этому пути. Этот путь был половинчатый, компромиссный, но, по-видимому, единственно возможный в той сложнейшей социальной и политической обстановке, которая сложилась в империи в VI в.

¹ И. С. Петерский. Дигесты Юстиниана. М., 1956.

Как во всей общественной жизни, так и в кодификации права важнейшим, определяющим явлением была постоянная, упорная, пронизывающая решительно все *борьба старого с новым*, умирающего с растущим, рабовладельческого мира с зачатками феодализма. При сохранении в VI в. основ рабовладельческого строя и рабовладельческого государства фундаментом воздвигнутого при Юстиниане огромного здания Свода гражданского права не могло быть ничто иное, как старое римское право. Краеугольным камнем всей законодательной деятельности Юстиниана, казалось, был чисто консервативный принцип, декларированный самим императором, — принцип безусловного «уважения к непогрешимой древности». Не только сохранение и восстановление величия Римской империи, но и возрождение гордости римского общества, его прославленной юриспруденции, составило одну из задач царствования Юстиниана. И это не была только пустая декларация, только пропагандистский прием, как полагают некоторые исследователи². Дело обстояло значительно сложнее. Суть состояла в том, что в переходный период от рабовладения к феодализму, когда рабовладельческий строй еще не сдал своих позиций, многие институты римского права были еще живы и вполне приемлемы, иногда в несколько модифицированном виде, для господствующего класса Византийской империи. Сам институт рабовладения и различные формы классового господства рабовладельцев, социальные и сословные перегородки и привилегии, разнообразные формы рабовладельческого государства и его системы управления — все это еще отвечало интересам господствующего класса империи и не только сохранялось, но и всячески укреплялось. Отсюда такое преклонение законодателей перед римским правом. С другой стороны, при значительном сохранении в Византии VI в. крупных городов и развитого ремесла и торговли, при многообразии различных имущественных и торговых сделок, реальная жизнь требовала упорядоченной и строгой регламентации прав частной собственности, на которой зиждилась экономика страны. И здесь римское право являлось источником, из которого можно было черпать полной рукой. Недаром Ф. Энгельс считал, что римское право было совершеннейшей формой права, имеющего своей основой частную собственность³. Таким образом, и эта основа классического и постклассического римского права имела вполне практическое применение в VI в. и не только не могла быть отброшена, но должна была быть укреплена и развита. Вместе с тем жизнь настоятельно требовала внесения серьезных коррективов в существующие нормы римского права. Новые социальные отношения, рождаясь, создавали новые правовые нормы, возникали иные, неведомые раньше формы взаимоотношений классов, сословий, требующие юридического оформления.

Существовали, конечно, и чисто юридические причины, требовавшие проведения кодификации. Прежде всего необходимо было внести ясность в огромное количество часто противоречивых юридических предписаний и узаконений, добиться доступности и четкости права для практического ведения процессов, систематизировать и классифицировать законы для возможности пользования ими. Кроме того, нужно было навести порядок в юридической терминологии, устранив многие устаревшие термины, характеризующие явления и институты, уже исчезнувшие из реальной действительности. Надо было придать многочисленным узаконениям единообразную и современную форму. Это было особенно настоятельно необходимо потому, что римское право в VI в. находилось в хаотическом

² См. В. Рубин. Das Zeitalter Justinians, I. Bd. Berlin, 1960, S. 146—168.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 105.

состоянии, материалы его были распылены по многим источникам, крайне трудно доступным, многое устарело, юридические документы изобиловали противоречиями, бесчисленными разновременными наслоениями, в которых юристы и судьи могли разобраться лишь с величайшим трудом. Юстиниан сам жалуется на «бесполезное многословие» бесчисленных юридических текстов. Их темнота и противоречивость приводили к тому, что в практике нескончаемых судебных процессов приговоры зачастую основывались не на законах, а на произволе судей. Назрела практическая потребность собрать воедино все важнейшие юридические тексты, подчинить их единой системе, сделать их доступными для пользования, положить, насколько это было возможно, конец произволу судебных чиновников, иными словами, пользуясь выражением самого Юстиниана, создать «точные и неоспоримые законы».

2. Эволюция постклассического права и источники свода гражданского права Юстиниана

Невозможно представить, что кодификация права при Юстиниане была явлением абсолютно новым в юридической науке и практике и что законодательная реформа не имела своих предшественников. Наоборот, она и была возможна только потому, что классическое право Рима уже претерпело к VI в. серьезные изменения⁴. Эта эволюция постклассического права не только отразилась в законодательных реформах Юстиниана, но и во многом определила их характер. Основными источниками права в империи являлись: 1) сочинения наиболее знаменитых римских юристов классической эпохи, обычно называвшиеся «право» («*jus*»); 2) императорские конституции, получившие общее название «законы» («*leges*») и постепенно заменявшие собой высказывания древних юристов; 3) эдикты римских правительственных чиновников-магистратов, в первую очередь преторов, по различным вопросам, главным образом гражданского права⁵.

Сочинения римских юристов, людей широко образованных, базировались на существовавшей при них юридической практике и вырастали из нее. Отличаясь большим консерватизмом в смысле охраны незыблемых основ римской юриспруденции, они вместе с тем порой творчески приспособляли установления древнего права к общественным потребностям своей эпохи. Расцвет римской юриспруденции падает на III в. н. э., когда жили и работали наиболее выдающиеся римские юристы: Папиниан, Ульпиан и Павел. С IV в. самостоятельное активное творчество юристов уступает место предписаниям императоров. Но и в IV—VI вв. важнейшие решения древних юристов сохраняли силу закона, что было подтверждено в 426 г. особой конституцией императора Феодосия II. Самыми высокими

⁴ Существуют следующие библиографические указатели литературы по истории римского права: Древняя Греция и Древний Рим, библиографический указатель. М., 1961, стр. 309—314; G. A. Petropoulos. Βιβλιογραφία ἐπὶ τοῦ ῥωμαϊκοῦ δικαίου (1932—1935). («*Архивъ ἱδιωτικῶς δικαίου*», 3, 1936); E. Volterra. Saggio bibliografico di diritto agrario romano. Firenze, 1937; L. Caes — R. Henrion. Collectio bibliographica operum ad jus Romanum pertinentium, ser. I, vol. 1. Bruxelles, 1949; ser. I, vol. 2—3. Bruxelles, 1951; ser. II, vol. 1. Bruxelles, 1950; A. Berger. Encyclopedic Dictionary of Roman Law («*Transactions of the American Philosophical Society*», N. S., vol. 43, part 2, 1953).

⁵ P. Krüger. Geschichte der Quellen und Literatur des Römischen Rechts. München, 1912; L. Wenger. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953; M. Conrat. Geschichte der Quellen und Literatur der römischen Rechts im frühen Mittelalter, Bd. I. Leipzig, 1891; Т. Кипп. История источников римского права. СПб., 1908; Е. В. Пассек. Пособие к лекциям по истории римского права, ч. I. Государственное право и источники права. Юрьев, 1906.

авторитетами признавались 5 юристов — Папиниан, Павел, Ульпиан, Модестин и Гай. Конституции римских императоров, ставшие основным источником права, знаменовали собой укрепление монархической власти в империи, когда в руки императоров полностью перешла вся законодательная инициатива. Еще в III в. Ульпиан писал: «То, что угодно принцепсу, имеет силу закона» (Dig., I, 4. 1). В IV—VI вв. императоры все больше и больше стремились стать высочайшим законодательным авторитетом и единственными создателями всех новых законов. В этот период (от правления Диоклетиана до завершения кодификации права при Юстиниане в 529 г.), называемый периодом постклассического права, законодательная деятельность императоров внешне в значительной степени поглощает и заслоняет собой творчество юристов, хотя по существу все императорские конституции создавались теми же юристами в императорских канцеляриях, но издавались от имени монархов⁶. Справедливо отмечалось, что в IV—VI вв. юридическая мысль все более и более бюрократизируется, теряет стройность и ясность классической эпохи, зачастую тонет в многословии и пышном восхвалении императоров⁷.

Эволюция постклассического права вместе с тем идет в сторону его унификации, подчинения разрозненного самостоятельного творчества юристов интересам центральной власти. Можно наметить несколько характерных черт эволюции римского права в постклассический период. Явственно намечается тенденция *презреть все право в писанный закон*, а в условиях усиления неограниченной власти монарха — *в закон императора*. В этой связи появилось стремление поднять в ранг писаного закона право, уже существующее как юридическая доктрина. Одновременно делаются попытки упростить и стабилизировать право. Свое выражение это находит в тенденции преодолеть юридический формализм классической юриспруденции, сделать огромное и разрозненное наследие римских классических юристов и римских императоров достоянием современников, применяемым в судебной практике.

Все это привело к первым, еще несовершенным попыткам кодификации права и к созданию трех самостоятельных кодексов римских законов, предшествовавших законодательной реформе Юстиниана. Кодификационные работы начинаются с систематизации и унификации императорских конституций, изданных по самым разнообразным правовым вопросам. Уже в конце III—начале IV в. появляются два частных сборника, созданных выдающимися юристами того времени: 1) *Codex Gregorianus* (составлен в конце III в. юристом Грегориом), содержащий важнейшие конституции императоров, изданные с 196 по 297 г., и 2) *Codex Hermogenianus* (появился спустя несколько лет после Грегориева кодекса), служащий продолжением труда его предшественника и как бы дополнением к нему⁸. В Гермогенианов кодекс вошли императорские конституции нескольких

⁶ H. F. I o l o w i c z. Historical Introduction to the Study of Roman Law. Cambridge, 1939.

⁷ Некоторые ученые предлагают даже называть этот период в развитии римского права не постклассическим, а бюрократическим, имеющим самостоятельное значение в истории римской юриспруденции. См., например, Fr. S c h u l z. History of Roman Legal Science. Oxford, 1946, p. 262 f. Об эволюции римского права см. S. R i c c o b o n o. Fasi e fattori dell'evoluzione del diritto romano. «Mélanges Cornil», v. II, p. 237; E. B e t t i. Diritto romano. Padova, 1935; M. K a s e r. Das römische Privatrecht, I. Bd. München, 1955; II. Bd. Die nachklassischen Entwicklung. München, 1959; S. R i c c o b o n o. Corso di diritto romano. Milano, 1935; E. A l b e r t a r i o. Introduzione storica allo studio del diritto romano giustiniano, parte I. Milano, 1935.

⁸ E. A l b e r t a r i o. Introduzione storica...; i d e m. Il diritto romano. Milano, 1940; P. B o n f a n t e. Storia del diritto romano. Roma, 1934; B. K ü b l e r. Geschichte des römischen Rechts. Leipzig, 1925; M. V i l l e y. Le droit romain. Paris, 1946; V. A r a n g i o - R u i z. Storia del diritto romano. Napoli, 1937.

последующих лет. В своем первоначальном виде оба эти кодекса не сохранились и дошли до нас лишь в позднейших извлечениях ⁹.

Неизмеримо более выдающимся памятником юридической мысли является третий кодекс, изданный в Восточной Римской империи в 438 г. при Феодосии II и получивший по имени этого императора название Кодекса Феодосия. Значительно превосходя своих собратьев — Кодексы Григориев и Гермогенианов — как по содержанию, так и по объему (Кодекс Феодосия включал свыше трех тысяч сокращенных и переработанных конституций римских императоров начиная с Константина I), этот юридический сборник в то же время более, чем предшествующие компиляции, отразил не только указанную выше юридическую эволюцию права, но и реальные изменения общественных отношений Византии. Например, в нем фиксировалось начало таких процессов, как феодализация и варваризация империи.

Эволюция постклассического права конца III—VI в. сказалась также и в том, что римская юридическая мысль и судебная практика все больше и больше впитывали юридические нормы и обычаи народов, населявших территорию империи. Наибольшее влияние на эволюцию постклассического права оказали юридические воззрения греков и некоторых восточных народов, например сирийцев. Почти во всех провинциях Римской империи, как Западной, так и Восточной, наряду с применением римского права длительное время бытовали местные правовые обычаи, касающиеся главным образом частного права. Наиболее ярким примером сохранения местных юридических норм является памятник последней четверти V в., так называемый «Сирийский законник», свидетельствующий о распространении и живучести местных, в частности греко-сирийских, правовых институтов, особенно в сфере имущественных отношений и в вопросах наследственного права ¹⁰.

Варваризация империи и проникновение в римское право местных юридических воззрений, главным образом народов балканских провинций, отразились в Кодексе Феодосия. О существовании местного права населения Египта свидетельствуют папирусы ¹¹. Восточное, в частности греческое, право оказало значительное влияние на такие институты, как долговременная аренда (эмфитевсис), ипотека, попечительство. Влия-

⁹ См. L. W e n g e r. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953. Венгер полагает, что первые кодексы были созданы на востоке империи и имеют восточный отпечаток. Они носят вполне независимый и самостоятельный характер. Эти кодексы должны были служить исследовательским и учебным целям (S. 534—537). Подробный анализ всех основных юридических памятников постклассической эпохи и эволюции права того времени дается в труде H. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 471—490. См. также E. L e v y. Westen und Osten in der nachklassischen Entwicklung des römischen Rechts. ZSSR, RA, Bd. 49, 1929, S. 230—259.

¹⁰ Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert, hrsg. K. G. Bruns — E. Sachau. Leipzig, 1880. Происхождение этого источника спорно, так же как и датировка. См. H. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 477; P. B o n f a n t e. Di un' influenza orientale nel diritto romano. «Rendiconti della Accademia Nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storiche e filologiche», ser. VI, vol. 4, 1928=«Archivio giuridico», t. 101, 1929, p. 3—15; R. T a u b e n s c h l a g. Il diritto provinciale romano nel Libro Siro-Romano. «The Journal of Juristic Papyrology», vol. 6, 1952, p. 103—119=i d e m. Opera minora, t. I. Warszawa, 1959, p. 291—312; C. A. N a l l i n o. Sul libro siro-romano e sul presunto diritto siriano («Studi in Onore di Pietro Bonfante», vol. I. Milano, 1930); E. S c h ö n b a u e r. Reichsrecht, Volksrecht und Provinzialrecht ZSSR, RA, Bd. 57, 1937, S. 309—335; L. M i t t e i s. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des Römischen Kaiserreichs. Leipzig, 1891.

¹¹ L. W e n g e r. Il diritto dei papiri nell'età di Giustiniano. («Pubblicazioni dell'Università cattolica del sacro Cuore», ser. 2, scienze politiche, 33, 1931); R. T a u b e n s c h l a g. Das römische Privatrecht zur Zeit Diocletians. «Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres». Cracovie, 1919—1920, p. 141—281=i d e m. Opera minora, t. I. Warszawa, 1959, p. 3—177.

ние это сказалось также в распространении письменных контрактов, в частности при заключении брака, в некотором смягчении отцовской власти в семье и в других юридических нововведениях по сравнению с римским законодательством¹². В связи с отделением Восточной империи от Западной с IV в. эта ориентализация римского права, естественно, усиливалась, но вместе с тем непрерываемой основой права в Восточной Римской империи оставалась римская юриспруденция и римское законодательство.

Влияние местного права выражалось не только в проникновении в римское законодательство новых институтов, но и в вытеснении и изменении уже изживших себя древних правовых норм и установлений. Этот процесс интенсивно происходил в течение IV—VI вв. и во многом подготовил законодательную реформу Юстиниана.

Рождение и оформление новой идеологической и религиозной надстройки — христианства, естественно, также не могло не оставить своего следа в развитии постклассического права. В буржуазной историографии, однако, гуманное влияние христианской церкви на смягчение римского законодательства крайне преувеличивается и всячески идеализируется¹³. Нельзя отрицать того, что христианская церковь активно использовала демагогические средства для усиления своего авторитета в народных массах и поэтому поддерживала и освящала своим авторитетом фиксацию в юридических памятниках некоторого смягчения форм рабства, облегчения процедуры отпуска рабов на волю, укрепления законной семьи, ослабления власти отца над сыновьями и т. п. Но при этом никогда нельзя забывать, что христианство «... в течение целых столетий уживалось в Римской империи с рабством»¹⁴. Нельзя забывать и того, что церковь внесла в римское законодательство суровый дух фанатической непримиримости ко всем инакомыслящим — еретикам, язычникам, иудеям; дух борьбы против народных движений, обличенных в форму ересей. Она же заставила государство законодательным путем оформить монархическую структуру церковной иерархии с неограниченной властью епископов и закрепить за церковью все имущественные права и привилегии.

Итак, многие нововведения в законодательстве Юстиниана по сравнению с классическим римским правом родились на основе эволюции постклассического права, эволюции, отразившей и изменения общественных условий жизни, и влияние местного права и новой идеологии — христианства. В этом смысле *Юстинианово законодательство подводило итог этой эволюции права, происшедшей в IV—VI вв.* И хотя оно и использовало в больших масштабах римскую классическую юриспруденцию, но во многом уже опосредствованную через претерпевшее серьезные изменения постклассическое право. В широком смысле слова *Corpus juris civilis* — в основных своих частях (за исключением новелл) отражает и фиксирует общественные изменения и изменения в правовой надстройке, которые произошли в империи не только непосредственно в VI в., но в течение более длительного периода — с конца III по VI в.

¹² P. Collinet. *Études historiques sur le droit de Justinien*, t. I. Le caractère oriental de l'oeuvre législative de Justinien et les destinées des institutions classiques en Occident. Paris, 1912; Fr. Schulz. *Op. cit.*, p. 295.

¹³ Fr. Schulz. *Op. cit.*, p. 297; A. Hadjinikolaou-Marava. *Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantine*. Athènes, 1950; P. Allard. *Les esclaves chrétiens depuis les premiers temps de l'Eglise*. Paris, 1914; M. Roberti, C. Bussi, G. Vismara. *Cristianesimo e diritto romano*. Milano, 1935; Fr. Leifer. *Christentum und römisches Recht seit Konstantin*. ZSSR, RA, Bd. 58, 1938, S. 185—202; J. Pargoire. *L'Eglise byzantine de 527 à 847*. Paris, 1905.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 149.

3. Corpus juris civilis и порядок его составления

В 528 г., на второй год правления Юстиниана, началось осуществление грандиозной кодификации права, потребность в которой назрела уже давно. При монархической форме правления и при деспотическом и честолюбивом нраве нового императора, естественно, вся законодательная реформа была приписана ему одному, и созданный в ее результате «Свод гражданского права» получил его имя. В императорских конституциях, изданных в связи с реформой права, доминирует идея о решающей роли Юстиниана в создании новых законов. В конституции «Tanta» (или «Δέδωκεν») даже утверждается, что все предшествующее законодательство, улучшенное и систематизированное, должно рассматриваться как Юстинианово законодательство. Только Юстиниан решился на столь трудное дело, как кодификация права, которое не могли выполнить его предшественники. В этой конституции пишется, что Юстиниан «установил не только для настоящего, но и для последующего века наилучшие законы»¹⁵. В другой конституции, «Cordi», говорится, что Юстиниан своими «Институциями и Дигестами открыл людям светлый путь»¹⁶.

Безграничное честолюбие Юстиниана толкало его не только на внешние завоевания и восстановление Римской империи, но и на внутренние реформы и возрождение славы римской юриспруденции. Подражая своим предшественникам на троне цезарей, Юстиниан мечтал быть не только императором-воителем, возродившим славу военных побед Рима, но и императором-законодателем, поднявшим до невиданных высот науку права. Таковы были мечты гордого деспота. Однако в действительности сам Юстиниан не участвовал никогда ни в одном сражении и все завоевания осуществлял чужими руками. Точно так же он не участвовал лично в законодательной реформе и предоставил это делать другим. Тем не менее нельзя отрицать, что его роль в создании «Свода гражданского права» была весьма значительной¹⁷. Ему принадлежали не только основной замысел всего предприятия и инициатива его выполнения, но и постоянная помощь и наблюдение за проведением реформы. Он не жалел ни энергии, ни денег, ни времени на создание нового свода законов и постоянно торопил исполнителей. Он трезво оценил обстановку в стране и понял неотложную необходимость систематизации и кодификации права. Кроме того, он, так же как и в своей завоевательной политике, сумел найти себе талантливых сотрудников и опереться на их знания и опыт для осуществления задуманного дела. Душой всей законодательной реформы Юстиниана был, конечно, ее талантливый руководитель и знающий исполнитель — квестор Трибониан. Императору и здесь посчастливилось найти такого энергичного и образованного человека, который мог бы превратить в жизнь его мысль о кодификации права. И надо отдать справедливость, император высоко оценил заслуги своего знаменитого юриста, и в своих конституциях он всегда отдает должное его широкому юридическим познаниям, соединенным с практическим опытом и величайшим трудолюбием. Трибониан в императорских конституциях именовался человеком, «украшенным красноречием и юридической мудростью».

¹⁵ Const. Tanta (или Δέδωκεν), § 12.

¹⁶ Const. Cordi, § 3.

¹⁷ E. H. K a d e n. Justinien Législateur (527—565). «Mémoires publiés par la Faculté de Droit de Genève», 6, 1948, p. 41—66; A. d' O r s P é r e z - P e i x. La activité legislativa del Emperator Justiniano. «Orientalia Christiana Periodica», vol. 13, 1947; E. G r u p e. Kaiser Justinian. Leipzig, 1923; см. B. R u b i n. Das Zeitalter Justinians, S. 146—168; F. P r i n g s h e i m. The character of Justinian's legislation. «Law Quarterly Review», vol. 56, 1949, p. 229—249.

тельно, у Трибониана нельзя отнять его огромнейшей эрудиции, блестящего знания юриспруденции, таланта организатора. Но вместе с тем ученый юрист уживался в Трибониане с лстивым царедворцем, карьеристом и беззастенчивым, жадным чиновником, который «продавал за деньги и приговор, и закон». Прокопий утверждает, что Трибониан, занимая пост квестора императорского дворца, проявил свое необычайное корыстолюбие, брал взятки, бесцеремонно толковал законы вкривь и вкось, если получал за это хорошую мзду. Недаром во время восстания Ника 532 г. ненависть народа обрушилась на жадного верховного судью, и Юстиниан временно принужден был даже отступить от своего любимца. Но после подавления восстания Трибониан вновь занял свой высокий пост и неизменно пользовался неограниченным доверием императора.

В проведенной в VI в. кодификации римского права роль Трибониана бесспорно очень велика: все дело практически вел он, и благодаря его энергии и настойчивости реформа была завершена в предельно короткий срок.

«Свод гражданского права» Юстиниана первоначально состоял из трех частей: Кодекс, Дигесты, или Пандекты, и Институции. Несколько позднее к ним была добавлена четвертая часть — Новеллы¹⁸.

4. Кодекс Юстиниана

Законодательная реформа началась с составления Кодекса Юстиниана. 13 февраля 528 г. по приказанию императора была создана комиссия из 10 опытных государственных деятелей, занимавших высшие административные посты, знающих юристов и профессоров права. Возглавил эту комиссию *ex quaestor sacri palatii* патриций Иоанн. Кроме него, в нее входили знатные вельможи: *ex praefectus praetorii* патриций Леонтий, патриций Фока, Василид и Фома. Трибониан в то время еще не занимал первого места в комиссии, и в императорской конституции он был упомянут после этих вельмож. Кроме того, в комиссии состояли юристы Константин, чиновник императорской канцелярии и профессор права в Константинополе Феофил, а также адвокаты и чиновники более низких рангов — Диоскор и Презентин¹⁹.

Согласно характеристике Юстиниана, в комиссию вошли «люди науки, неутомимого трудолюбия и похвального усердия к общественному делу»²⁰. Среди них своими знаниями особенно выделялся, помимо Трибониана, профессор права Феофил. Перед комиссией десяти правительством была поставлена задача отобрать из огромной массы императорских конституций наиболее важные, имеющие практическое применение, и отбросить все устаревшие, фактически потерявшие реальное значение. Кроме того, необходимо было систематизировать и классифицировать все отобранные императорские постановления.

Комиссия начала работу с пересмотра ранее созданных кодексов — Григориева, Гермогенианова и Феодосиева и отобрала из них самое ценное — в первую очередь конституции, соответствующие реальным потребностям времени и важные для юридической практики. Возможно, были использованы и специальные юридические работы Бейрутской школы права. Были также собраны и систематизированы законы императоров, не вошедшие в предшествующие кодексы. В процессе работы ко-

¹⁸ Название *Corpus juris civilis*, как и названия его частей, даны позднейшими изданиями этих законодательных памятников.

¹⁹ *Cod. Just.*, «*De novo Codice faciendo*». *Const. Just.* Haec, quae necessario, § 1.

²⁰ *Ibidem*.

миссия юристов, получившая широкие полномочия, вносила изменения в законы, отбрасывала устаревшие постановления, исключала отмирающие или уже исчезнувшие институты, стремилась устранить противоречия и повторения. Работа была завершена в поразительно короткий срок: уже 7 апреля 529 г., спустя немногим более года после начала кодификации, первая редакция Кодекса Юстиниана была закончена, а 16 апреля она получила силу закона²¹. Однако спешка не могла не сказаться на качестве работы, и очень скоро потребовалось издание новой, второй редакции Кодекса. Составление новой редакции Кодекса было вызвано тем, что, видимо, в законах еще осталось немало важных контроверз и устаревших институтов, которые отменялись вновь изданными конституциями Юстиниана, вышедшими в свет между 529 и 534 гг.

Все время, пока составлялись Дигесты, возникало много спорных вопросов, которые могли быть разрешены лишь законодательной властью. С 529 г. Юстиниан начал издавать особые законы, содержавшие решение этих спорных вопросов, устранение противоречий и устаревших институтов. Эта законодательная работа продолжалась вплоть до 534 г., т. е. в течение всей деятельности кодификационной комиссии. Вышедшие в свет конституции Юстиниана получили название решений (*decisiones*), и из них был составлен особый сборник — «50 решений» (*Liber quinquaginta decisionum*)²², использованный при создании второй редакции Кодекса и вошедший в разные его титулы. В этом сборнике устранялись различия между гражданским правом и правом племен (*jus gentium*), проводилась унификация форм собственности: уничтожалась разница между так называемой квинритской и бонитарной собственностью, между так называемыми легатами и фидеикомиссами и т. п. Используя первую редакцию Кодекса, до нас, к сожалению, не дошедшую²³, новая комиссия, состоявшая из Трибониана, Дорофея и трех константинопольских адвокатов, в начале 534 г. приступила к составлению второго издания Кодекса. Комиссия вновь получила широкие полномочия вносить изменения и дополнения в первый Кодекс. 16 ноября 534 г. эта работа была опубликована под названием *Codex repetitae praelectionis*, а 29 декабря 534 г. второе издание Кодекса получило силу закона. Кодекс Юстиниана сохранился до наших дней во второй редакции, и именно в этом виде уже впоследствии приобрел всемирную известность²⁴. Большинство

²¹ Cod. Just., Const. Just. Summa reipublicae tuitio, § 5.

²² Const. Cordi, § 1.

²³ Правда, недавно был обнаружен папирус, содержащий фрагменты списка титульных рубрик первой редакции Кодекса, который дает некоторое представление о содержании этого варианта Кодекса Юстиниана (H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 505).

²⁴ Очень сложен вопрос о соотношении первой и второй редакций Кодекса. Новейшие исследования показали, что во второй редакции были сделаны более значительные изменения, чем было принято считать раньше. Найденный недавно папирус, содержащий фрагмент первой редакции Кодекса, с определенностью удостоверяет, что при составлении второй редакции Кодекса были включены целые новые титулы, а отдельные постановления сняты. Все это говорит о том, что была проделана большая работа по окончательному редактированию Кодекса. Еще более затруднено определение интерполяций, внесенных в Кодекс как юристами Юстиниана, так и правоведами IV—V вв. Лишь в отдельных случаях интерполяции можно установить при сопоставлении текста Кодекса Юстиниана с текстами предшествующих кодексов — Григориева, Гермогенианова и Кодекса Феодосия. Путем сличения этих кодексов удалось выяснить, что комиссия Трибониана обычно опускала преамбулы древних конституций, включала в кодификацию только действенную часть постановления; иногда конституции императоров делились и различные их части попадали в разные титулы в соответствии с их содержанием. Некоторые постановления пропускались. Одни изменения вносились для устранения противоречий, другие — для точной датировки закона. В отдельных случаях простой язык более древних законов заменялся напы-

законов, вошедших в Кодекс, написано на латинском языке и лишь отдельные узаконения — на греческом.

Кодекс Юстиниана представляет собой обширное собрание конституций римских императоров, начиная с конституции Адриана 117 г. и кончая законами самого Юстиниана, изданными до ноября 534 г. Подобно законам XII таблиц, Кодекс Юстиниана был разделен на 12 книг, которые делились примерно на 765 титулов, в свою очередь распадающихся на большое число фрагментов. В начале каждого фрагмента указывается имя императора, издавшего конституцию, и имя должностного лица, которому она адресована. Конституции приводятся в очень сжатом виде, в отличие от многословных Новелл, что облегчает практическое пользование Кодексом. В случае, если нельзя было установить имя императора и дату издания закона, это обязательно указывалось (*sine anno, sine die et consule*). В конце каждой конституции имелась подпись, в которой указывалось время и место ее публикации. Состав каждого титула был строго определенным: вначале помещалось краткое изложение содержания, затем следовало одно или несколько императорских решений по одному и тому же правовому вопросу, расположенных в хронологическом порядке. Кодекс Юстиниана дошел до нас не в подлиннике, а лишь в более поздних рукописях, где его текст подвергся известному сокращению.

Кодекс Юстиниана охватывает широкий круг правовых вопросов. Значительное место в нем занимает частное право (кн. 2—8), несколько меньшее — административное (кн. 10—12) и уголовное (кн. 9). В отличие от законодательства предшествующего времени, очень большое внимание уделяется церковным делам (кн. 1), определяются права церкви, привилегии епископов и клириков, разбираются чисто теологические вопросы. В Кодекс включены суровые постановления против еретиков, язычников, манихеев, самаритян. Чрезвычайно важны постановления Кодекса, касающиеся рабов. Серьезным нововведением по сравнению с римским правом классической эпохи являются постановления Кодекса, собранные преимущественно в 11 его книге, касающиеся такого института, как колонат. Особо говорится об источниках права и об обязанностях высших чиновников. Подробно вопрос об эволюции римского права по Кодексу Юстиниана будет рассмотрен ниже, при общей характеристике всей законодательной реформы.

Рукописная традиция Кодекса не так хороша, как традиция Дигест. Правда, сохранилась очень древняя палимпсестная Веронская рукопись Кодекса, датированная VI или VII в. И хотя эта рукопись содержит весь Кодекс, включая и греческие постановления, она все же, видимо, далека от оригинала. Несмотря на запрещение Юстиниана, в этой очень ранней рукописи сделаны изменения: использована система сокращений (запрещенная Юстинианом), заглавия и подписи некоторых законов отброшены, а в свою очередь внесены дополнения и замечания, видимо, из трудов юристов VI в. В более поздних рукописях IX—XI вв. сделаны еще большие изменения; все это крайне затрудняет восстановление полного оригинального текста Кодекса. Современные издания Кодекса (особенно издание П. Крюгера) — результат титанической работы над многими рукописями Кодекса Юстиниана и над рукописями более ранних кодексов.

щенным языком IV—VI вв. Хотя, надо сказать, не существовало столь большого различия в стиле и языке конституций императоров, выходящих из императорских канцелярий в различные эпохи, как между стилем произведений классических юристов и компиляторов Юстиниана, что нашло отражение в Дигестах (H. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 505 f.).

5. Дигесты, или Пандекты

Одной из важнейших частей *Corpus juris civilis* являются Дигесты, или Пандекты, — монументальное собрание отрывков из сочинений римских юристов, живших в период от I в. до н. э. до середины III в. н. э. Замысел создания такого сборника был не новым; возможно, он возник еще при императоре Феодосии, но осуществлен он был впервые при Юстиниане, и поэтому Дигесты являются по своему характеру вполне самобытным произведением. Сборник важнейших правовых положений, заимствованных из различных трудов римских юристов, по замыслу составителей, должен был охватывать самый широкий круг правовых вопросов, и поэтому он получил название Дигесты, что по-латыни означает «собранное», «приведенное в систему». Одновременно ему было дано и равнозначное греческое название Пандекты, что означает «содержащие в себе все».

15 декабря 530 г. была издана особая конституция Юстиниана²⁵, которая предписывала комиссии из 16 юристов приступить к составлению Дигест. Комиссию уже возглавлял Трибониан, оправдавший надежды императора. В состав комиссии, кроме Трибониана, входили четыре профессора права — Феофил и Грациан из Константинополя, Дорофей и Анатолий из Бейрута, один крупный государственный чиновник по имени Константин и 11 адвокатов, принадлежавших к высшей администрации империи²⁶. Позднее составителей Дигест стали называть компиляторами, поскольку их труд сводился главным образом к компилированию произведений римских юристов. Перед комиссией Трибониана правительство империи поставило чрезвычайно сложную, и притом двойную, задачу. Прежде всего, необходимо было собрать и систематизировать огромное правовое наследие римских юристов, пришедшее к VI в. в хаотическое состояние. Тем самым осуществлялась *консервативная* идея сохранения в неизменности правовых ценностей, созданных почтаемыми юристами Рима. По мнению Юстиниана, «не зная древних законов, нельзя понять современное право». Одновременно сама жизнь требовала осуществления другой, чисто практической и в известной степени противоречащей первой задачи. Из классических произведений юристов следовало отобрать именно то, что могло бы стать действующим правом в конкретных общественных условиях VI в. Для этого надо было устранить устаревшие правовые нормы, противоречащие существующим, и привести все установления в соответствие с требованиями жизни. Для осуществления этих задач комиссия юристов должна была разобрать и систематизировать

²⁵ Const. Deo auctore. Название конституциям давалось по первым словам их текста. См. P. Collinet. La genèse du Digeste, du Code et des Institutes de Justinien. «Études historiques sur le droit de Justinien», t. III. Paris, 1952; A. A. Vasiliiev. Justinian's Digest («Studi Bizantini e Neellenici», V, 1939); H. Peters. Die oströmischen Digestenkommentare und die Entstehung der Digesten. «Berichte über die Verhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig», Phil.-hist. Kl., 65, 1913; A. Berger. The Emperor Justinian's ban upon Commentaries to the Digest («Quarterly Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America», 3, 1945); J. Baron. Pandekten. Leipzig, 1887; Г. Дербург. Пандекты, т. I—III. СПб., 1905—1911; J. M. Sontis. Die Digestensumme des Anonymos. I. Zum Dotalrecht (Ein Beitrag zur Frage der Entstehung des Basiliken textes). «Heidelberger rechtswissenschaftliche Abhandlungen, hrsg. von der Juristischen Fakultät», 23. Heidelberg, 1937.

²⁶ H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 490. Комиссия получила широкие полномочия: она могла изменять, дополнять, переставлять, сокращать тексты древних авторов, выбрав из них лучшее, отбрасывая все устаревшее, однако избегая повторений и противоречий (ibid., p. 491). Компиляторы должны были пользоваться подлинными трудами римских юристов и давать точные указания, откуда взят текст.

около двух тысяч книг, или три миллиона строк. Император вполне ясно понимал трудность задуманной кодификации и писал, что о таком деле никто ранее и не мечтал и что в нем, «как в глубоком море», могли потонуть самые ученые и искусные люди. Первоначально предполагалось, что на составление Дигест потребуется 10 лет, но уже через три года Дигесты были закончены и 16 декабря 529 г. утверждены Юстинианом²⁷. Отныне они получили силу закона во всей империи.

Выполнение столь трудного дела в такой короткий срок, как три года, было возможно, видимо, потому, что организация работы была хорошо продумана и в помощь знающим юристам из комиссии шестнадцати был привлечен многочисленный штат секретарей, тоже сведущих в юриспруденции. Комиссия, по всей вероятности, разделилась на три секции, каждая из которых занялась компилированием определенной группы источников. Первая группа источников охватывала комментарии к гражданскому (цивильному) праву, главным образом Сабина и Ульпиана, и получила название *сабинианской*; вторая группа содержала труды Ульпиана, Павла, Модестина, Гая, Дигесты Цельса и Марцелла, относящиеся к преторскому эдикту, и называлась *эдиктной*; в третью группу входили вопросы и ответы по практическим проблемам гражданского права из трудов Папиниана, Павла, Сцеволы, и она получила наименование *папиниановой*. Кроме того, в Дигесты были включены в качестве «добавления» извлечения из различных юридических трудов, не вошедшие в эти три группы. После того, как юристы по своим секциям собрали и классифицировали материал источников, вся комиссия пересмотрела и отредактировала весь текст Дигест в целом для устранения повторений и противоречий²⁸. За разрешением спорных вопросов комиссия обращалась к самому императору, и он быстро выносил по ним решения. Эти постановления императора Юстиниана и составили потом знаменитую книгу «50 реше-

²⁷ По поводу окончания Дигест император Юстиниан издал специальную конституцию на латинском и греческом языках, в которой рассказывалась история составления Дигест, давались их состав и характеристика. Латинская версия этой конституции известна под названием *Tanta*, греческая — *Δέδοικεν*. Вопрос о происхождении и способе составления Дигест вызвал в научной литературе длительные споры. Некоторые ученые усомнились в возможности в короткий срок (три года) пересмотреть столь большое число (около 2 тыс. книг) подлинных произведений римских юристов и выдвинули гипотезу о существовании до Дигест других компиляций, так называемых *Предигест* (см. Hofmann. Die Compilation der Digesten Justinians. Wien, 1900; H. Peters. Die oströmischen Digestenkommentare und die Entstehung der Digesten. «Berichte über die Verhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig», Phil.-hist. Kl., Bd. 65, 1913, S. 3—313; Th. Mommsen. Hofmann versus Blühme. ZSSR, RA, 22). Эту теорию отчасти поддерживает и Шульц (History of Roman Legal Science, p. 321). В настоящее время теория существования *Предигест* не встречает поддержки в науке (см. И. Г. Перетерский. Указ. соч., стр. 51 сл.; R. Monier. Manuel élémentaire du droit Romain, t. I, éd. 5. Paris, 1945, p. 115). Ялович против теории *Предигест* выдвигает следующие аргументы: если бы такая компиляция, как *Предигесты*, существовала, то ее должны были бы знать современники и тогда Юстиниан не мог бы, не рискуя оказаться в смешном положении, утверждать в конституции *Tanta*, что составители Дигест использовали подлинные произведения древних юристов, в то время как современникам было бы ясно, что они списали все из предыдущей компиляции (H. F. Iolowicz. Op. cit., p. 499—500). В последние годы была выдвинута теория о том, что Дигесты были составлены компиляторами на основании учебных пособий и компиляций, выработанных при преподавании в школах права, начиная с классической эпохи до времени Юстиниана. Дигесты сами выросли из преподавания права и служили для этой цели больше, чем для юридической практики (см. P. van Waarmelo. A propos de la compilation du Digeste. «Revue historique du droit français et étranger», 4 ser., 38 ann., 1960, № 4, p. 503—529).

²⁸ F. Blühme. Die Ordnung der Fragmente in die Pandekentiteln. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Pandecten. «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft», Bd. 4, 1820, S. 257—472; P. Collinet. La genèse du Digeste, du Code et des Institutes de Justinien, p. 65 sq.

ний», вошедшую во 2-е издание Кодекса. Дигесты были составлены на латинском языке — языке римских юристов, однако в тексте Дигест встречаются не только отдельные греческие термины, но даже целые фрагменты, написанные по-гречески²⁹.

Дигесты разделяются на 7 частей и 50 книг. Каждая книга в свою очередь распадается на титулы³⁰; всего в Дигестах содержится около 429—433 титулов. Титулы же включают фрагменты, каждый из которых представляет собой выдержку из сочинения только одного юриста. Всего в Дигестах — около 9200 фрагментов. Каждый фрагмент начинается с обозначения имени автора и названия сочинения, из которого взят материал. В Дигестах собраны, систематизированы и в известной степени сопоставлены извлечения из юридических сочинений 39 знаменитых римских юристов, живших в I в. до н. э.—IV в. н. э. Древнейшими произведениями, включенными в Дигесты, являются фрагменты из сочинений юристов республиканского времени: Квинта Муция Сцеволы, Эллия Галла, Алфена Вара (I в. до н. э.). Подавляющее большинство трудов, составлявших основу Дигест, принадлежит юристам эпохи принципата и империи³¹. Среди них выделяются пять наиболее почитаемых юристов — Папиниан, Павел, Ульпиан, Гай и Модестин, из сочинений которых компиляторы черпали полной рукой³². На долю такого корифея римской юриспруденции, как Ульпиан, приходится около $\frac{1}{3}$ текста Дигест, а на долю Павла — $\frac{1}{6}$ ³³. Значительные отрывки приведены из сочинений Юлиана и Помпония. Произведения юристов V—VI вв.

²⁹ На греческом языке даются извлечения из трудов Марциана, Папиниана и особенно Модестина; больше всего их в 26—27-й книгах Дигест. Оригинальной рукописи Дигест до нас не дошло. Они известны по рукописям более позднего времени (И. С. Перетерский. Указ. соч., стр. 74—76). Язык компиляторов, по происхождению греков Востока, довольно сильно отличался от языка юристов классической эпохи, для которых латынь была родной живой речью. Резко отличался и многословный риторический стиль VI в. от строгой простоты классиков. Все это часто дает возможность выделить из текста древних юристов вставки, сделанные комиссией Трибониана (Н. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 498).

³⁰ Материал о наследовании и фиденкомиссах так велик, что один титул охватывает 3 книги (28, 29, 30). В подсчете количества титулов и фрагментов имеются расхождения, зависящие от рукописей Дигест. Число титулов колеблется от 429 до 433, а число фрагментов — от 9123 до 9200. См.: Д. А з а р е в и ч. История византийского права, т. I, ч. 1. Ярославль, 1876; Н. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 493—494.

³¹ Использованы сочинения Антистия Лабееона (в извлечениях), Прокула, Явонена, Нерация Приска (I в. н. э.), Цельса, Юлиана, Помпония, Абурия Валенса, Маврициана, Теренция Клеменса, Африкана, Венулея, Гая, Волузия Мециана, Марцелла, Гаррултена Патерна, Флорентина, Папирия Юста, Цервидия Сцеволы (II в. н. э.), Папиниана, Каллистрата, Аррия Менандра, Тертуллиана, Трифонина, Павла, Ульпиана, Марциана, Мацера, Модестина, Галла Аквила, Лициния Руфа, Фурия Антиана, Рутилия Максима (III в. н. э.). См. И. С. Перетерский. Указ. соч., стр. 63.

³² Подсчитано, что пяти корифеям принадлежит $\frac{11}{15}$ (72,6%) текста, а 33 другим юристам — всего $\frac{4}{15}$.

³³ По более точным подсчетам, Ульпиану принадлежит 2462 фрагмента, Павлу — 2083, Папиниану — 595, Помпонию — 585, Гаю — 535, Юлиану — 457 и Модестину — 345. А из труда Эллия Галла приведен всего лишь один фрагмент (И. С. Перетерский. Указ. соч., стр. 64—65). Несколько иные подсчеты содержатся в работе: P. v a n W a r m e l o. A propos de la compilation du Digeste, p. 503, 507—508. См. также Н. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 492—493. Кроме того, во многих отрывках из трудов римских юристов цитируются в извлечениях несохранившиеся сочинения других римских ученых правоведов, таких, например, как Аквиллий Галл, Намуза, Туберон, Капитон, Массурий Сабин и многие другие. Об их трудах можно составить представление лишь по Дигестам. Дигесты сохранили также отрывки из древних законов и сенатусконсультов, не дошедших до нашего времени. По словам самого Юстиниана, многие книги, использованные в Дигестах, не были известны даже по имени их авторов самым ученым людям VI в. и были представлены комиссией шестнадцати самим Трибонианом, видимо, собравшим частную библиотеку редких древних книг.

в Дигестах не приводятся. Это объясняется тем, что начиная с IV в. законодательная деятельность почти полностью переходит от юристов в руки императоров.

В Дигестах, общий объем которых составлял около 150 тысяч строк, давалась в кратком изложении квинтэссенция римской науки о праве. По словам кодификаторов, «в Дигестах, как в цитадели, было заключено все античное право». Юстиниан высокопарно заявил, что «созданием Дигест был выстроен священный храм римской юстиции».

Содержание Дигест многообразно. Центральное место занимают вопросы *частного и публичного права*. В разделах, трактующих проблемы частного права, значительное внимание уделяется правам наследования, завещания, семейному праву, делам имущественного характера, различным частноправовым сделкам. В этом отношении предписания Дигест частично перекликаются с постановлениями Кодекса Юстиниана.

Помимо чисто практических правовых вопросов, в Дигестах затрагиваются и общие правовые принципы, такие, как определение права и правосудия, закона и обычая и др. В последних книгах Дигест (47—48 и частично в 49) рассматриваются вопросы *уголовного права и процесса*. Кроме того, Дигесты касаются многих проблем *международного права* (тогда называвшегося «правом народов» — *jus gentium*), как-то: объявления войны и заключения мира, разделения народов и образования новых государств, статуса послов и порядка отправления посольств, защиты прав чужеземцев, положения лиц, захваченных в плен и возвратившихся из плена, и т. п. Для определения нововведений и изменений в Дигестах по сравнению с римским правом классической эпохи большое значение имеют *интерполяции* — вставки, добавления и изменения, включенные комиссией Трибониана в текст Дигест (*emblemata Triboniani*).

По словам самого Юстиниана, в тексте древних юристов было сделано много важных (*multa et maxima*) изменений³⁴. Характерно, что интерполяции в тексте классиков делались компиляторами так, как будто древние авторы, имена которых упоминались в заглавии фрагмента, сами говорили то, что внесено в Дигесты. Это, конечно, затрудняет определение интерполяций.

Интерполяции прежде всего помогают уяснить направление эволюции права в империи в VI в. и воссоздать в какой-то степени состояние византийской юриспруденции при Юстиниане, поскольку нет сомнения, что внесенные интерполяторами изменения отражают современное им действующее право. В этом, на наш взгляд, огромное значение анализа интерполяций. С другой стороны, выяснение интерполяций помогает «очистить» от позднейших наслоений подлинные тексты сочинений римских юристов и возродить в его первоначальном виде классическое римское право³⁵. Иными словами, оно помогает освободить классическое рим-

³⁴ Const. Tanta, § 10. Об интерполяциях в тексте Дигест см. G. P a s c h i o n i. Corso di diritto romano, vol. I, p. 487—517; H. A p p l e t o n. Les interpolations dans les Pandectes. Paris, 1905; Th. K i p p. Geschichte der Quellen des römischen Rechts, 4. Aufl. Leipzig, 1919, S. 163 f.; E. C o s t a. Storia delle fonti del diritto romano, 1909, p. 166 sq.; P. K r e t s c h m e r. Kritik der Interpolationenkritik. ZSSR, RA, Bd. 59, 1939, S. 102—218; Index interpolationum quae in Justiniani Digestis incesse dicuntur, ed. L. Mitteis, t. I—III. Weimar, 1929—1935.

³⁵ Правда, при этом следует учитывать, что в рукописях произведений римских юристов, которыми пользовались компиляторы Дигест, было немало ошибок, а также изменений, дополнений и примечаний на полях и между строками, которые обычно называются глоссами или глоссемами, внесенными юристами доюстиниановского времени. Для «очистения» подлинных текстов древних юристов необходимо, конечно, отделить и эти глоссы — доюстиниановские изменения текста (И. С. Перетерский. Указ. соч., стр. 92 сл.).

ское право от византийской одежды, в которой оно дошло до наших дней. Вместе с тем за последние годы исследователи направили свои усилия на изучение постклассического права и установили, что многие изменения в классической юриспруденции сделаны еще до работы компиляторов Юстиниана ³⁶. И действительно, нередко тексты произведений римских юристов классической эпохи подвергались многократным переделкам в период развития постклассического права и были включены в Дигесты уже в совершенно измененном виде. Все это, конечно, затрудняет восстановление первоначального текста сочинений древних юристов, но все же значение Дигест для воссоздания и сохранения классического римского права огромно. Именно благодаря этой компиляции потомки могли, хотя иногда и в измененном виде, познакомиться почти в полном объеме с замечательным юридическим наследием древнего Рима.

Конечно, Дигесты имели немало недостатков и были далеки от совершенства. Несмотря на хвастливые заявления Юстиниана о том, что в Дигестах нет противоречий ³⁷, в них мы встречаем и противоречия, и прямые ошибки ³⁸. Иногда случайно сохраняются постановления и институты, уже устаревшие и отмененные в другом месте Дигест и потерявшие силу закона; одно и то же извлечение из текста древнего юриста зачастую цитируется несколько раз по разным поводам и с различными толкованиями или же, наоборот, отрывки из трудов разных юристов по одному и тому же правовому вопросу воспроизводятся вместе, хотя они и дают противоречивые заключения. Иногда сокращения, сделанные компиляторами, искажают подлинный текст юристов, исключают важные и ценные определения и объяснения древних авторов. Все эти пробелы, сокращения, упущения и ошибки, естественно, возникли при спешном составлении Дигест, однако объясняются они не только спешкой, но и показывают стремление компиляторов приспособить древнее право к потребностям своего времени, что иногда делалось недостаточно продуманно, а порою неуклюже и вело к ошибкам и противоречиям.

Значение Дигест надо рассматривать, на наш взгляд, в трех аспектах. Прежде всего, *историческое* значение Дигест состоит в том, что они отразили не только эволюцию римского права к VI в. и состояние византий-

³⁶ Н. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 486—497. Подлинной рукописи Дигест, созданной при Юстиниане и утвержденной этим императором, не сохранилось. Рукописная традиция Дигест, однако, довольно надежна и богата. Наиболее ценной рукописью является Флорентинская VI или VII в. (называемая Флорентина). Хотя и в ней есть некоторые искажения переписчиков, но она все же содержит наиболее достоверный текст Дигест. От XI—XII вв. сохранилось большое число манускриптов Дигест, худшего качества, чем Флорентина (в них часто пропущены греческие постановления, имена авторов, из трудов которых взят тот или иной фрагмент, и т. п.). Эти рукописи получили название Вульгата (Vulgata). Современный текст Дигест — плод огромного труда по сопоставлению различных рукописей (И. С. П е р е т е р с к и й. Указ. соч., стр. 74 сл.).

³⁷ Const. Tanta, § 1, 13—15.

³⁸ Некоторые тексты внесены по ошибке не в те рубрики, имеются ошибки в идентификации автора и его сочинения, неточные ссылки на труды юристов, ошибки в индексе и т. п. неточности (см. Н. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 492). Довольно многочисленные противоречия в Дигестах появлялись по разным причинам. Они возникали из-за различия мнений среди самих классических юристов; новые противоречия вносились компиляторами в результате изменения одного какого-либо фрагмента или пропуска в другом. Иногда компиляторы отбрасывали важные положения классических юристов и при наличии разных точек зрения в трудах классиков оставляли лишь одну, которую они одобряли. Юстиниан в Const. Tanta (§ 13—15) отвергает наличие в Дигестах противоречий. Он, правда, признает существование в Дигестах повторений, но считает их неизбежными, ибо иногда необходимо повторить одни и те же правовые принципы, но в различных связях и аспектах (Н. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 495—496).

ской юриспруденции при Юстиниане, но дали возможность выявить и некоторые аспекты эволюции *общественных отношений* в империи в этот период. *Научное значение* Дигест заключается в том, что они не столько разрушили (как полагают некоторые буржуазные гиперкритики Дигест)³⁹, но *сохранили* для последующих поколений классическое римское право и до наших дней являются основной (хотя и не единственной) сокровищницей, откуда ученые — историки римского права — черпают свои сведения о прославленной римской юриспруденции. *Практическое значение* Дигест проявилось в том, что они явились *главным источником рецепции римского права*, имевшего силу закона в некоторых странах Западной Европы в феодальный и капиталистический период их развития.

Как известно, всякие комментарии к Дигестам (как и ко всему *Corpus juris civilis*) были запрещены под страхом суровых наказаний и карались как подлог (*falsa*). Юстиниан полагал, что комментарии только затемнят истинный смысл сочинений древних авторов. Было разрешено лишь делать переводы Дигест на греческий язык и составлять указатели (*indices*) и краткие изложения содержания параллельных отрывков (*paratitla*)⁴⁰. Но эти предписания нарушались уже при жизни Юстиниана⁴¹, а непосредственно после его смерти и особенно в последующее время Дигесты породили столь огромную литературу, как никакая другая книга со времени Библии^{41а}. Поэтому вряд ли можно считать, что издание Дигест повлекло за собой полный застой в развитии юридической мысли в Византии и *Corpus juris civilis* задушил всякое живое творчество в области правовой науки⁴². Нам кажется, что Дигесты были, есть и будут основным источником для изучения римского и византийского права.

³⁹ На наш взгляд, вполне прав И. С. Перетерский, отбросивший гиперкритическую точку зрения некоторых буржуазных ученых на Дигесты и убедительно показавший историческое и научное значение этого памятника (И. С. Перетерский. Указ. соч., стр. 96 сл.). Особенно резким и незаслуженно несправедливым нападкам подвергаются Дигесты со стороны французского историка права П. Ф. Жиро, который утверждал, что компиляторы Юстиниана погубили древнее право римлян, «выкраивая учреждения и трактаты права, подобно какой-либо одежде, сшитой из лохутов», что Трибониан изувечил, испортил, искромсал самое лучшее творение Рима — его гражданское право, наложив свою варварскую руку на удивительные остатки римской юриспруденции, что он разрушил произведения Ульпиана, Павла, Папиниана, Африкана и Гая, чтобы только приспособить эти обломки к нуждам греческой империи и построить из них здание, состоящее из лохмотьев (P. F. Giraud. *Histoire du droit romain ou introduction historique à l'étude de cette législation*. Paris, 1884, p. 411). К этому суровому отзыву отчасти присоединяется Ш. Диль, который, правда, не согласен с основным выводом Жиро, считая, что в Дигестах римское право было скорее сохранено, чем разрушено (Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация VI в. СПб., 1905, стр. 60). Отрицательную оценку Дигестам (и всему законодательству Юстиниана) дает и А. П. Каждан, который полагает, что в сохранении римских юридических норм нет никакой заслуги Трибониана и его коллег, которые были лишь антикварами и переписчиками старых норм и, более того, обрекли на забвение замечательные книги римских юристов, на костях которых было возведено «пухлое» здание Дигест (А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. *Очерки истории Византии и южных славян*. М., 1958, стр. 21).

⁴⁰ Const. Deo auctore, § 12; Const. Tanta, § 21.

⁴¹ Например, два участника составления Дигест — профессор права Феофил и Дорофей — уже вскоре написали на греческом языке подробные указатели (*index*) к Дигестам. Феофил составил такой указатель к первым трем книгам Дигест, который выходил далеко за рамки простого суммирования текста, а включал парафразы вместе с историческими и юридическими комментариями. Профессор права Стефан в конце правления Юстиниана составил на греческом языке обширный комментарий к Дигестам (H. F. Iolowicz. *Op. cit.*, p. 512 f.).

^{41а} H. F. Iolowicz. *Op. cit.*, p. 491.

⁴² А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 21.

6. Институции Юстиниана ⁴³

Реформа права, проведенная Юстинианом, не ограничивалась созданием Кодекса и Дигест. Назревала реформа юридического образования, и для улучшения преподавания юриспруденции необходимо было прежде всего написать элементарное руководство по изучению права. Это руководство было названо «Институции», поскольку таким названием уже давно в римской литературе обозначали всякие элементарные пособия и наставления. Институции по замыслу византийского правительства должны были в доступной форме осветить современное состояние права, отбросить все устаревшее, положив в основу реформированное Юстинианом законодательство. По словам самого Юстиниана, необходимость эта возникла потому, что не все могли «снести бремя такой мудрости», как Кодекс и Дигесты ⁴⁴. В особой Конституции, предшествующей составлению Институций, император писал, что новый труд задуман как руководство для юношества, «для тех еще мало опытных людей, которые стоят в преддверии храма юриспруденции, желая проникнуть в его святилище». Для этой юности, жаждущей изучить законы (*cupida legum juvenus*), решено было написать Институции по образцу широко известных Институций Гая (II в. н. э.), которые фактически служили учебником права в течение нескольких столетий ⁴⁵.

На этот раз дело было поручено узкому кругу лиц: Трибониану и двум профессорам права — Феофилу и Дорофею. Но работа была выполнена преимущественно Феофилом и Дорофеем, а Трибониан, занятый составлением Дигест, оставил за собой лишь общее наблюдение за написанием Институций. Видимо, этим можно объяснить, что такое краткое элементарное руководство, как Институции, составлялось почти столько же времени, сколько такой грандиозный труд, как Дигесты. К созданию Институций приступили, согласно императорской Конституции ⁴⁶, в 530 г., а 21 ноября 533 г. это дело было завершено. Институции появились в свет немного ранее Дигест, хотя работа над обеими этими компиляциями велась параллельно. По замыслу создателей, Институции должны были кратко изложить основы действующего права и тем самым подготовить студентов к изучению Дигест и Кодекса. По сути дела, однако, Институции были в той же мере, что и Дигесты, компиляцией классического права, с учетом, правда, уже тех изменений, которые были внесены в Дигесты и Кодекс. Основное содержание Институций Юстиниана заимствовано из Институций и «*Res cottidianae*» Гая ⁴⁷. Кроме того, составители использовали также Институции Марциана, Флорентина, Ульпиана, а возможно, и Павла. В Институциях заметно и влияние юстиниановского законодательства — Дигест и Кодекса. Некоторые excerpts из древних авторов заимствованы через посредство Дигест ⁴⁸.

⁴³ Р. З о м. Институции. Учебник истории и системы римского гражданского права, вып. 1—2. СПб., 1908—1910; е г о ж е. Институции. История и система римского гражданского права, ч. II, вып. I. Сергиев Посад, 1916; К. С а л ь к о в с к и й. Институции. Основы системы и истории римского гражданского права. Киев, 1910; К. Ф. Г и л а р ж. Учебник институций римского права. М., 1906.

⁴⁴ Const. Imperatoriam, § 1—2.

⁴⁵ Ibid., § 6.

⁴⁶ Ibid., § 1.

⁴⁷ «*Res cottidianae*» — «Повседневные дела», произведение Гая, где в переработанном виде излагаются его же Институции, но акцент делается на разборе практических дел и казусов (Const. Imperatoriam, § 6).

⁴⁸ Правда, в отличие от Дигест, отрывки из древних авторов в Институциях даются без заглавий (надписей — *inscriptiones*), что затрудняет их идентификацию (Const. Imperatoriam, § 6).

В угоду Юстиниану составители Институций придали своей компиляции форму лекции императора студентам, жаждущим узнать законы. Институции Юстиниана, по образцу Институций Гая, были разделены на четыре книги. Поскольку стиль первой и второй книг отличается от стиля третьей и четвертой, высказывалось правдоподобное предположение, что Феофил и Дорофей составили каждый по две книги Институций. Однако еще не удалось установить, какие именно две книги принадлежат Феофилу, а какие Дорофею.

Подобно Институциям Гая, новое творение юстиниановских юристов трактовало личное, семейное и вещное право, а также вопросы о различных договорах — купле-продаже, найме, поручении (мандате) и т. д. 1-я книга Институций рассматривает основы личного и семейного права, 2-я разбирает права на вещи и завещания; 3-я посвящена правам наследования и контрактам, 4-я — обязательствам из деликтов (*ex delicto*) и искам. В отличие от Институций Гая и в подражание Дигестам, Институции Юстиниана делятся на 98 титулов, которые в свою очередь распадаются на фрагменты. Часть материала Институций Гая полностью исключена из Институций Юстиниана, поскольку этот материал уже устарел. Кроме того, добавлены два титула (которых не было в Институциях Гая) об *officium iudicis* и касающиеся уголовного права.

До нас не дошло подлинной рукописи Институций времен Юстиниана. Однако сохранилось очень большое число более поздних рукописей (начиная с IX в.), что лишний раз свидетельствует о широкой популярности Дигест, имевших огромное распространение в странах Западной Европы. Необходимо в заключение отметить, что Институции не только применялись для учебных целей в школах права Византийской империи, но и получили практическое применение при разборе отдельных судебных дел. Они приобрели силу императорского закона по предписанию Юстиниана 30 декабря 533 г., в тот же самый день, что и Дигесты⁴⁹. Оценивая труд своих юристов, Юстиниан, как всегда хвастливо, заявляет, что Институции собрали «мутные воды древних источников в прозрачное озеро». Однако при всех достоинствах этого руководства: сжатости изложения, соединенной с большим охватом различных правовых вопросов, сохранении рациональной основы Институций римских юристов с учетом изменений постклассического права и реформы Юстиниана, — все же, на наш взгляд, Институции в *Corpus juris civilis* занимают, по сравнению с другими его частями, подчиненное и весьма скромное место с точки зрения их ценности как исторического источника и дают сравнительно мало для изучения общественных изменений в IV—VI вв. Для собственно истории классического римского и византийского права VI в. Институции полезны также неизмеримо меньше, чем Кодекс, Дигесты и Новеллы. Но, как это ни парадоксально, именно Институции имели наиболее широкое применение как в преподавании права, так и в судебной практике. Для практических целей их сжатость при широком охвате правовых проблем делала их незаменимым руководством со времен Юстиниана в течение всего средневековья. Об этом красноречиво говорит большое число рукописей Институций, сохранившихся до наших дней.

⁴⁹ Имеется русский перевод Институций Юстиниана, сделанный Ф. Проскуряковым в 1859 г. О рукописях Институций см. В. В. Михайлова. Петербургская рукопись «*Institutiones*» Юстиниана. «Гермес», 1912, № 3, стр. 85—89.

7. Новеллы Юстиниана

С точки зрения историка, а не правоведа, наибольшую ценность для изучения социально-экономической, политической жизни и классовой и идеологической борьбы в Византии VI в. имеют законодательные предписания самого Юстиниана, не вошедшие в Кодекс и известные под названием Новелл. Для историка они имеют, по сравнению с Дигестами, Кодексом и Институциями, притягательную силу непосредственного источника VI в.: они фиксируют не только реальные изменения общественной жизни, но и хранят аромат эпохи, перенося нас в гущу политической и социальной борьбы в империи того времени.

Публикацией Дигест, Институций и 2-го издания Кодекса работа по кодификации права, предпринятая при Юстиниане, была закончена. Вместе с тем было очевидно, что потребности жизни и судебной практики неизбежно вызовут дальнейшее развитие и совершенствование законодательства. Это предусматривалось и самим Юстинианом. В особой конституции «Cordi» Юстиниан писал, что если в последующие годы «изменчивая природа вещей создаст что-либо новое», требующее императорской санкции, то императором будут созданы новые законы под названием *Novellae Constitutiones*⁵⁰. Новеллами теперь обычно называют Конституции Юстиниана, не вошедшие в Кодекс и изданные между 535 (534?) и 565 гг. И действительно, законодательная деятельность Юстиниана после издания первых трех частей *Corpus juris civilis* продолжалась и отличалась значительной активностью. В своих Новеллах Юстиниан прежде всего давал императорскую санкцию и силу закона тем реальным изменениям в праве, которые родились из судебной практики. В Новеллах Юстиниан как бы больше не оглядывается назад, в глубину, хотя и почитаемую, древность Рима; Новеллы более, чем весь *Corpus juris civilis*, устремлены вперед, уже в средневековье. Юридическая мысль в них меньше скована канонами классического римского права, а больше исходит из потребностей времени. Большинство Новелл являются законами, вводящими новые постановления, касающиеся общественных или церковных дел, а также вопросов публичного, церковного и, в несколько меньшей степени, частного права. Некоторые Новеллы представляют собой истолкование императором уже существующих законов. Запретив категорически как-либо комментировать и, тем паче, изменять *Corpus juris civilis*, Юстиниан оставил исключительно за собой право устранять обнаруженные в новом законодательстве противоречия, объяснять неясные положения. Судьи, у которых при разборе дел возникали какие-либо сомнения и споры, должны были обращаться за разъяснениями только к самому императору, «которому одному предоставлено [право] устанавливать и толковать закон»⁵¹.

Новеллами Юстиниана были внесены существенные изменения в брачное право⁵², в вопрос о правах наследования, особенно при отсутствии завещания⁵³. Интересны нововведения, касающиеся положения рабов, колонов, вольноотпущенников, куриалов. Большое место в Новеллах отводится церковным делам и охране прав господствующей церкви. Многие Новеллы касаются административной реформы, причем разбирают вопросы об устройстве той или иной провинции, округа. Особые Новеллы устанавливают гражданское и военное управление во вновь

⁵⁰ Const. Cordi, § 4. Отсюда возник термин *Novellae*, который подразумевает *Novellae constitutiones*.

⁵¹ Const. Tanta, § 21.

⁵² Nov. Just. 22.

⁵³ Nov. Just. 118, 127 и др.

завоеванных областях, в частности в Северной Африке и Италии. Подавляющее число Новелл издано Юстинианом на имя префекта претория Востока, который, как правило, должен был приводить новые законы в исполнение и доводить до сведения епископов, чиновников и населения. Часть Новелл издана на имя префектов претория провинций, например Африки, Иллирии и Италии. Важнейшие узаконения, касающиеся церковных дел, обращались обыкновенно к патриарху Константинополя и рассылались другим патриархам Востока. Некоторые Новеллы были изданы Юстинианом в ответ на донесения и запросы различных чиновников администрации империи или по отдельным судебным делам, а также в ответ на жалобы, поданные на имя императора.

По своей форме Новеллы вполне оригинальны, в значительной степени уже независимы от римского права и являются образцом несколько витиеватого и многословного византийского стиля⁵⁴. В отличие от других частей *Corpus juris civilis*, Новеллы Юстиниана были написаны, как правило, уже на греческом языке. Этот знаменательный факт показывает, что сама жизнь заставляла Юстиниана, несмотря на его приверженность к римским традициям, все больше и больше считаться с тем, что латинский язык не был понятен для большинства жителей Византии и что в практических целях необходимо было перейти в законодательстве на греческий язык. Исключение составляют лишь те новеллы, которые были изданы специально для тех провинций, население которых говорило на латинском языке⁵⁵. Отдельные новеллы были для удобства пользования ими написаны на двух языках: латинском и греческом.

При жизни Юстиниана Новеллы публиковались как отдельные постановления и не были объединены в особый сборник⁵⁶ — это было сделано уже позднее. Всего сохранилось 169 подлинных Новелл Юстиниана, разбросанных по разным сборникам. До наших дней дошло три сборника Новелл, происхождение которых еще не вполне ясно и вызывает споры в научной литературе. Во всяком случае все три сборника не носят официального характера и не были, видимо, одобрены правительством. По времени создания древнейшим сборником Новелл Юстиниана является частная коллекция, составленная константинопольским адвокатом Юлианом и по его имени получившая название *Epitome Iuliani*. В сборнике Юлиана содержатся 124 Новеллы, изложенные в сокращенной латинской версии. Юлиан, видимо, был современником Юстиниана, ибо он

⁵⁴ Новеллы обычно строятся по определенному канону: они начинаются с надписи, содержащей имя императора и обозначение имени и полного титула должностного лица, кому адресовано предписание. Затем идет преамбула (*praeformatio*), излагающая причину и цель создания данного закона; затем приводится содержание закона; кончаются Новеллы формулой, вводящей в силу это постановление и называемой *epilogos*. Новеллы, по мере необходимости, делятся на главы. Величина Новелл очень различна и варьируется от пространной 22-й Новеллы в 48 глав до очень кратких предписаний, состоящих из одной главы. Как правило, Новеллы точно датированы и имеют в конце указание года и числа их издания.

⁵⁵ P. Noailles. *Les collections de Nouvelles de l'empereur Justinien I.* Paris, 1912. О законодательстве Юстиниана в Италии и других странах Запада см.: G. Ferrari Dalle Spado. *La legislazione dell'Impero d'Oriente in Italia.* «Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti», t. 96, 2, 1936/37; P. Koschaker. *Europa und das römische Recht.* München—Berlin, 1958; L. Siciliano-Villanuova. *Sul diritto greco-romano (privato) in Sicilia.* «Rivista di storia e filosofia del diritto», v. II, 1901, p. 7; G. Ferrari Dalle Spado. *Diritto bizantino.* Torino, 1938.

⁵⁶ Во вводной конституции к Кодексу Юстиниан, правда, выражал намерение создать впоследствии официальную коллекцию своих законов под названием *Novellae constitutiones* (Const. Cordi, § 4), но это намерение никогда не было выполнено.

говорит о нем как о «нашем императоре». Новеллы здесь расположены в хронологическом порядке (с некоторыми отступлениями). Последняя Новелла, помещенная в *Epitome Iuliani*, датирована 555 г. Тот факт, что сборник был составлен целиком на латинском языке и явно предназначался для использования в такой провинции, где этот язык был основным, вместе с датой его окончания, совпадающей с завоеванием Италии византийскими войсками в 555 г., породил довольно правдоподобную гипотезу, что эта коллекция Новелл была написана специально с целью введения Юстинианова законодательства в завоеванной Италии⁵⁷.

Самым обширным сборником, содержащим 168 Новелл, является составленная в Константинополе знаменитая коллекция греческого происхождения⁵⁸, которая впоследствии была использована компиляторами Василиком. Она была создана, скорее всего, в правление императора Тиберия II (578—582) или вскоре после него, так как включает три Новеллы этого императора, а также четыре предписания его предшественника Юстина II (565—578). Кроме собственно императорских Новелл, она содержит и четыре постановления префектов претория. Строго хронологический порядок, компактность изложения и отработанность текста вплоть до 120-й Новеллы заставляют предполагать, что в основе этой части коллекции лежит сборник, подготовленный еще в царствование Юстиниана (не ранее 544 г.). Последующие Новеллы собраны хаотически, хронологический принцип нарушается⁵⁹.

Кроме того, сохранился сборник из 134 Новелл, получивший название *Authenticum* или *Liber authenticorum*⁶⁰. Он, так же как *Epitome Iuliani*, составлен целиком на латинском языке, что наводит на мысль о его итальянском происхождении. Новеллы, вошедшие в этот сборник, датируются 535—556 гг. и до 127-й Новеллы расположены в хронологическом порядке. В науке существовало мнение, что именно этот сборник был официальной коллекцией Новелл, составленной при Юстиниане и предназначенной для опубликования в Италии⁶¹. Однако крайне плохой перевод греческих Новелл, сделанный человеком, явно недостаточно владевшим греческим языком, который к тому же использовал зачастую испорченный текст Новелл и не имел юридического образования; исключает его официальное происхождение⁶². Скорее всего, это была провин-

⁵⁷ См. Н. F. I o l o w i c z. *Op. cit.*, p. 508; Д. А з а р е в и ч. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 10—11.

⁵⁸ Греческой эта коллекция новелл называется потому, что в обеих ее рукописях — Венецианской XIII в. и Флорентинской XIV в. — латинские постановления, которые, несомненно, были в первоначальном сборнике Новелл, или пропущены или переданы в сокращенном изложении на греческом языке. В Венецианской рукописи еще добавлены 13 постановлений Юстиниана, названные Эдиктами. Существует версия, что этот сборник составлялся постепенно и в самом своем полном составе не дошел до нас, претерпев позднее сокращения и изменения.

⁵⁹ Интересно, что среди этих постановлений встречаются законы Юстиниана, датированные более ранним временем, чем издание 2-й редакции Кодекса, и не вошедшие в него.

⁶⁰ Происхождение названия этого сборника таково: ученый XI—XII в. Ирнерий, первый упомянувший об этом сборнике, сомневался первоначально в его подлинности, но затем изменил свое мнение и даже отдал ему предпочтение по сравнению с *Epitome Iuliani*, считая именно его аутентичным официальному сборнику Новелл, составленному при самом Юстиниане для Италии. Вывод его опирался на дату последних Новелл (556 г.) и характер латинского перевода. P. N o a i l l e s. *Les collections de Nouvelles de l'empereur Justinien I*, p. 166—169.

⁶¹ K. E. Z a c h a r i a e à L i n g e n t h a l. *Zur Geschichte des Autenticum und der Epitome Novellarum des Antecessor Julianus*, S. 993—1003.

⁶² Против официального характера сборника говорит и то, что в нем пропущена знаменитая Прагматическая санкция 554 г., в которой как раз содержалось предписание о публикации законодательства Юстиниана в Италии.

циальная версия Новелл, составленная в самой Италии каким-либо чиновником, находившимся на византийской службе в Равеннском экзархате⁶³.

В настоящее время признана наилучшей греческая коллекция Новелл Юстиниана, и именно она легла в основу современных изданий.

8. Реформа юридического образования

Организация юридического образования в ранней Византии строилась по античному образцу. В Римской империи еще во времена Августа существовало немало частных юридических школ, но лишь при доминате в крупных городах появились высшие школы права, содержавшиеся на счет государства. По-видимому, в этих школах преподавалось не только право, но и другие «свободные искусства». На Западе школы права были в Риме, Карфагене и, возможно, в Галлии; на Востоке — в Бейруте, Константинополе, Кесарии Палестинской, Афинах и Антиохии. Право являлось одним из главных предметов преподавания в Афинской, Александрийской и Бейрутской школах. Самой прославленной из них была школа в Бейруте⁶⁴, достигшая наивысшего процветания в V в. Незадолго до правления Юстиниана в ее стенах работали такие знаменитые профессора права, как Кирилл, Домник, Демосфен, Евдоксий и Патриций, которых во времена Юстиниана юристы чтили как «вселенских учителей». Длительное время во всех школах права преподавание велось на латинском языке, и лишь в конце IV—V в. в Бейруте латинский язык был заменен греческим. Возможно, такое же нововведение частично было проведено и в Константинополе в V в.⁶⁵

Большую роль в юридическом образовании в Византии играла влиятельная группа профессоров права и адвокатов. Профессора высших школ, в том числе профессора права, в Византии назначались на свои должности куриями крупных городов, в которых находились университеты. За свой труд профессора получали как плату (*honorarium*) от студентов, так и жалование от государства. Число профессоров, занимавших кафедры в университетах, было невелико. Как известно, в Константинопольской высшей школе до Юстиниана было всего два профессора права, а при Юстиниане — четыре. Но наряду с ними было много учителей права, ведущих частное преподавание, которым было запрещено обучать учеников в общественных зданиях⁶⁶. В основу преподавания права в высших школах было положено изучение текстов юристов классической эпохи. Профессор на лекциях обычно комментировал тексты, сравнивал параллельные отрывки, разъяснял противоречия и приводил в виде иллюстраций случаи из судебной практики. Этот метод преподавания, целиком экзегетический, страдал беспорядочностью и не-

⁶³ Помимо указанных трех основных сборников Новелл, существовали и другие, не дошедшие до нас коллекции. Видимо, имелся сборник Новелл, которым пользовался Афанасий, юрист времен Юстиниана I и Юстина II, а также сборник *τὸ πλάτος τῶν νεαρῶν* — 157 Новелл, о которых имеются упоминания, а кроме того, производные сборники Новелл, составленные из ныне утерянных списков для частного пользования восточными юристами (Д. Азаревич. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 18). S. R i c c o b o n o. Il valore delle collezioni giuridici bizantine per lo studio critico del Corpus Juris civilis. «Mélang. Fitting», II, 1908.

⁶⁴ Бейрутская школа права упоминалась как центр юридического образования уже в 239 г. О Бейрутской школе хвалебно отзывался Юстиниан (Const. Omnem, § 9—10).

⁶⁵ Константинопольская высшая школа была открыта в 425 г. В ней работал 31 профессор: латинских — три ритор и десять грамматиков; греческих — пять рифоров и десять грамматиков, один философ и два профессора права.

⁶⁶ Fr. S c h u l z. History of Roman Legal Science, p. 273—274; Н. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 474.

полнотой⁶⁷. Курс обучения длился 4 года. На первом курсе студенты изучали Институции Гая и частично комментарии Ульпиана и Павла к преторскому эдикту. Первокурсники назывались *diuondii* — «незначительные»⁶⁸. На втором курсе шло ознакомление с другими комментариями к преторскому эдикту. Студенты второго курса назывались поэтому *edictales*. Третий год обучения был посвящен изучению Сентенций и других сочинений Павла и произведений Папиниана, откуда произошло наименование студентов третьего курса — *papianistae*.

Студенты четвертого курса допускались к самостоятельной работе и без помощи учителей штудировали «Ответы» Павла. Они носили красноречивое название *lutai* — «освобожденные»⁶⁹. Серьезным недостатком этого учебного плана⁷⁰ было то, что большая часть времени студентов тратилась на усвоение отвлеченных положений из трудов древних юристов, часто не имеющих уже практического применения. В то же время много полезного из трудов классических юристов было незаслуженно отброшено и забыто. Крупным пробелом в обучении являлось то, что уголовное право и судопроизводство оставались в стороне. По словам Юстиниана, при таком методе обучения «студенты покидали школы только испорченными наукой»⁷¹. А между тем потребность в знающих юристах-практиках в империи была очень велика, юридическое образование требовалось и для государственной службы⁷². Необходимость реформы юридического образования назревала. Она стала особенно настоятельной после завершения при Юстиниане работ по кодификации права.

Сперва обстановка для поднятия юридического образования в империи при Юстиниане была не очень благоприятной. Юстиниан под давлением христианского духовенства, как известно, закрыл центры языческих знаний — все высшие школы, за исключением Бейрутской⁷³ и Константинопольской⁷⁴. Однако после проведения реформы законодательства правительство Юстиниана занялось непосредственно и реформой юридического образования. Прежде всего, категорически было запрещено изучать что-либо, кроме *Corpus juris civilis*. Именно новое кодифицированное право стало теперь единственным предметом изучения.

Конституцией «*Omnem*», изданной 16 декабря 533 г. (одновременно с опубликованием Дигест), была объявлена коренная реформа юридического образования. В Константинопольской и Бейрутской школах

⁶⁷ По сути дела, подобный метод обучения был развитием классических методов, применяемых в школах риторики в античную эпоху; однако, в отличие от системы классического образования, при которой после изучения элементов права студент много времени уделял обсуждению практических дел и случаев из судебной практики, в преподавании в постклассическую эпоху большое внимание уделялось комментированию древних авторов.

⁶⁸ Буквально — «дешевые», «стоящие два асса» (Const. Omnem, § 2).

⁶⁹ По-гречески *λυται* — освобождение от слушания лекций. Но имеется и другое толкование этого термина: некоторые ученые полагают, что получившие это наименование студенты уже могли самостоятельно разрешать проблемы права (Const. Omnem, § 5) (H. F. I o l o w i c z. Op. cit., p. 510).

⁷⁰ Этот учебный план, кажется, применялся в Константинопольской школе. В Бейруте в дополнение к нему изучались еще Григориев и Гермогенианов кодексы и некоторые сочинения Ульпиана.

⁷¹ Const. Omnem, praef. § 1.

⁷² Так, уже во второй половине V в. для службы при дворе префекта претория необходимо было свидетельство об окончании школы права, скрепленное присягой профессоров. Были ли в то время обязательны экзамены для студентов, неизвестно.

⁷³ В 551 г. сильное землетрясение разрушило Бейрут, и высшая школа временно переехала в Сидон.

⁷⁴ В 529 г. Юстиниан запретил преподавание философии, астрономии и права в Афинах, хотя, кажется, этот запрет не всегда строго выполнялся. В 533 г. этот же император закрыл и все остальные школы.

было учреждено по четыре должности профессоров права⁷⁵. Вместо четырехлетнего был введен пятилетний курс обучения. Все годы пребывания в высшей школе студенты изучали исключительно Институции, Дигесты и Кодекс Юстиниана. На основе новой программы студенты I курса проходили Институции и первые четыре книги Дигест. Юстиниан, в знак особой милости, отменил старое, унижительное название первокурсников (*dupondii*) и заменил его более почетным — *Justiniani novi*. Второй, третий и четвертый годы обучения были целиком посвящены усвоению Дигест⁷⁶. На V курсе студенты штудировали Кодекс Юстиниана. Названия студентов II, III и IV курсов оставались прежними, а студенты V курса получали наименование *prolytae*⁷⁷.

В правление Юстиниана приобрели знаменитость профессора права Феофил, Анатолий, Фалилей из Константинополя, Дорофей и Исидор из Бейрута и Иоанн Схоластик из Антиохии⁷⁸. Они не только участвовали в кодификации права, но широко занимались педагогической деятельностью.

Реформа преподавания права, проведенная при Юстиниане, дала, видимо, некоторые положительные результаты. Не только расширился круг изучаемых студентами правовых вопросов, но и преподавание стало более конкретным и приблизилось к нуждам юридической практики. Поскольку единственным действующим правом стал *Corpus juris civilis*, естественно, что для образованного судьи или адвоката в его практической деятельности прежде всего надо было хорошо усвоить именно этот свод законов.

Профессия адвоката в Византии пользовалась влиянием и уважением. Со времен Римской империи она претерпела значительную эволюцию. Юриконсульты классической эпохи римского права больше занимались собственно юриспруденцией, нежели адвокатурой, предоставляя это занятие риторам, иногда даже мало сведущим в законах. С IV в. происходит значительная бюрократизация адвокатской профессии, из образованных юристов теперь вербуются чиновники высокого ранга. В связи с этим в 460 г., при императоре Льве I, в Восточной Римской империи было предписано адвокатам для получения адвокатского звания обязательно изучить в высшей школе курс права. Особенно высоко ценилось окончание Бейрутской школы права. Теперь адвокат одновременно должен быть и законоведом. Для получения адвокатуры абитуриент сдавал экзамен по праву и получал удостоверение, свидетельствующее о его подготовке, от профессора. В отличие от этой системы, введенной на Востоке, на Западе адвокатурой по-прежнему занимались ритторы, окончившие школы риторики, где право было лишь второстепенным предметом. Придворные адвокаты в Константинополе объединялись в особую школу (*Schola*), имевшую права корпорации; они пользовались привилегиями, но вместе с тем находились под контролем государства. Так, была введена строгая такса гонорара, который могли брать адвокаты со своих клиентов за ведение тех или иных судебных дел. Корпорация

⁷⁵ Сколько было профессоров права в Риме, неизвестно, но во всяком случае после завоевания Италии византийцами им вновь выплачивалось государственное жалование (*Pragm. Sanc.*, § 22).

⁷⁶ При этом в школе Дигесты изучались не полностью, а лишь до 36-й книги. Книги 37—50-я могли усваиваться студентами самостоятельно и даже по окончании школы, уже во время практической работы. *Const. Omnem*, § 2. См. также: Н. F. I o l o w i c z. *Op. cit.*, p. 510—598.

⁷⁷ *Const. Omnem*, § 5.

⁷⁸ *Const. Omnem*, *inscr.*

адвокатов все более бюрократизируется и приобретает влияние при дворе, в нее вступают дети знатных родителей. Адвокаты принимают деятельное участие в подготовке императорских конституций и различных рескриптов, в кодификации права. Многие высшие чиновники Византийской империи были выходцами из среды адвокатов. Особенно усилилось влияние знающих законоведов-адвокатов при Юстиниане ⁷⁹. Среди юристов самыми влиятельными были адвокаты, входившие в императорский совет (*consistorium*) или служившие в императорской канцелярии. Они являлись подлинными авторами императорских законов и составителями кодификаций. Именно из их среды вышли Трибониан и его коллеги.

Высшие школы права и после создания *Corpus juris civilis* оставались центрами научной работы в области юриспруденции. Конечно, запрещение Юстинианом какого-либо критического исследования законодательных текстов, включенных в *Corpus juris civilis*, в известной мере затормозило научное творчество юристов. Но, как мы видели, эти запреты уже при Юстиниане всячески обходились. В школах права велась интенсивная работа по переводу свода законов на греческий язык для того, чтобы сделать его доступным для большинства населения Византийской империи.

В период после правления Юстиниана также появляется ряд выдающихся юристов: Стефан, Афанасий Схоластик, Феодор Гермопольский, Иоанн Кобида, Фока, Анастасий, Филоксен и Симбадий.

Создание свода законов Юстиниана породило большую научную литературу. Она включает переводы отдельных частей *Corpus juris civilis* на греческий язык, сокращенные извлечения (*ἐπιτομή, σύντομος*) из законодательства Юстиниана, различные толкования и парафразы, словари, объясняющие латинские термины, встречающиеся в законодательных предписаниях, сочинения по частным вопросам права. Наиболее выдающиеся работы юристов второй половины VI в. были связаны с комментированием Дигест, изучение которых дало особенно плодотворный импульс юридической мысли. Уже сами создатели Дигест профессора права Теофил и Дорофей занялись под видом составления греческих индексов и парафраз фактическим комментированием Дигест. Вскоре за ними еще при жизни Юстиниана другой профессор права, Стефан, также под тем же прикрытием написал обширный греческий комментарий к Дигестам, основанный на читанных им лекциях и содержащий много выдержек из трудов других юристов, в частности Теофила. Греческий парафраз Институций Теофила и греческие комментарии к Кодексу Юстиниана Фалалея, Исидора ⁸⁰ и Анатолия, созданные в VI в., приобрели в империи и за ее пределами широкую известность. Между 570—612 гг. была создана работа по комментированию Дигест и их научному изучению, известная по схолиям к Василикам как произведение Анонима. И хотя с созданием *Corpus juris civilis* юридическая мысль на долгие столетия как бы замкнулась в кругу изучения этого грандиозного памятника, все же научное творчество в Византии не прекращалось и развитие права как науки продолжалось и в последующие столетия.

⁷⁹ Fr. Schulz. Op. cit., p. 268—272.

⁸⁰ Фалалей и Исидор упомянуты как профессора права в Const. Omnem, inser. См. V. Arangio-Ruiz. La compilazione Giustiniana e i suoi commentatori bizantini. Padova, 1946; L. Babinier. Continuity of Roman Law in the East («Tulane Law Review», 1936); S. Riccobono. Tracce di diritto romano classico nelle collezioni giuridiche bizantine («Miscellanea di Archeologia di Storia e di Filologia dedicate al prof. A. Salinas». Palermo, 1906).

II. СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ ЮСТИНИАНА

1. Изменения в правовой доктрине и теории права в кодификации Юстиниана

Римская теория права, давшая юриспруденции такие теоретические понятия, как право (*jus*), закон (*lex*), обычай (*consuetudo*), разработавшая доктрину взаимоотношений прав человека и прав общества, государства (гражданское и публичное право), обогатившая науку созданием многих юридических положений и норм, в своем развитии претерпела, как и действующее право, длительную и весьма важную эволюцию¹.

Эволюция правовой доктрины, происходившая, конечно, в зависимости от изменения общественных отношений в империи, шла в сторону универсализации права, освобождения ее от узких рамок права одного, хотя бы и господствующего, народа и возведения ее до степени правового учения, распространяемого на все человечество.

Как известно, в составе римского объективного права классической и императорской эпох существовали различные правовые системы, которые возникли в разные периоды и продолжали применяться параллельно одна другой. Это было прежде всего наиболее древнее *квиритское* (цивильное) (*jus civile*) право², являвшееся привилегией римских граждан и носящее национальный, замкнутый характер. По мере создания огромной Римской империи необходимо было урегулировать правовое положение многочисленного неримского населения, не подлежащего действию *jus civile*. Постепенно для *всех неримлян*, как постоянно живущих в римском государстве, так и только приезжающих туда и ведущих деловые отношения с римлянами, возникло так называемое *право народов* (*jus gentium*), имевшее очень широкие границы применения³. Старое, замкнутое цивильное право не удовлетворяло потребностей торгового и делового оборота, и через посредство эдиктов преторов параллельно ему стало создаваться так называемое *преторское* (*jus pretorium*), или *гонорарное* (*jus honorarium*), право, мало-помалу вытеснявшее отживающее право римских граждан⁴.

Создание единой империи, отпадение различий между римскими гражданами и неримлянами и распространение после эдикта Каракаллы прав римского гражданства на все свободное население государства

¹ О римской теории права см.: В. М. Х в о с т о в. Общая теория права. М., 1914; е г о ж е. Система римского права. Общая часть. М., 1908, стр. 33—47; Fr. S c h u l z. Prinzipien des Römischen Rechts. München—Leipzig, 1934; Б. Н. Ф р е з е. Общее и местное право Римской империи. «Вестник Демидовского лицея», кн. 85, 1902, стр. 1—20; Д. Д. Г р и м м. Курс римского права, ч. I, вып. 1. Учение об основных правовых понятиях. СПб., 1904; е г о ж е. Лекции по догме римского права. Пг., 1916. В. В. Е ф и м о в. Догма римского права. Пг., 1918; А. К. Законы и иски в римском праве. СПб., 1901; И. А. П о к р о в с к и й. Право и факт в римском праве. «Киевские университетские известия», 1898, апрель, май, стр. 1—145.

² Выражение *jus civile* имело в римской правовой теории два различных значения: частного, гражданского права в противовес общественному публичному праву (*jus publicum*) и гражданского права римлян в противовес праву других народов (*jus gentium*).

³ О *jus gentium* см. N. V o i g t. Römische Rechtsgeschichte, I. Bd. Leipzig, 1892, § 15; II. Bd. Stuttgart, 1892, § 77; R. S o h m. Institutionen des römischen Rechts. Leipzig, 1894, § 13, 14; E. C u q. Les institutions juridiques des Romains, t. II. Paris, 1902, p. 45, 47 sq.; O. K a r l o w a. Römische Rechtsgeschichte, I. Bd. Leipzig, 1885, § 59; К. Б р у н с — О. Л е н е л ь. Внешняя история римского права. М., 1904, стр. 102; В. М. Х в о с т о в. История римского права. М., 1919, стр. 209—211.

⁴ О преторском праве см.: И. А. П о к р о в с к и й. Генезис преторского права. «Киевские университетские известия», 1902, январь, февраль, май—июль, стр. 1—209; е г о ж е. Римская претора и судейское усмотрение. «Журнал Министерства Юстиции», 1902, апрель, 365—372.

привело к постепенному слиянию существовавших ранее систем права — *цивильного, преторского и права народов*.

Реальные социально-экономические основы разделения права на несколько систем уже исчезли, и было настоятельно необходимо уничтожить различия правовых систем, как уже изживших себя и мешавших дальнейшему прогрессивному развитию общества и правовой науки. Этот процесс находит свое завершение в кодификации Юстиниана.

Реформы Юстиниана в праве собственности, в институте приданого (*dos*), наследования по закону и против завещания (*ab intestato*), как мы увидим ниже, были направлены к окончательной отмене устаревших различий между правом *цивильным* и *преторским*, правом *гражданским* и *правом народов*. Тем самым в законодательстве Юстиниана завершился процесс создания единого универсального права для всего свободного населения империи.

Вместе с тем в законодательстве Юстиниана особое место продолжает занимать *естественное право* (*jus naturale*)⁵, рожденное под влиянием греческой стоической философии и основанное на представлении о том, что весь мир является эманацией естественного разума (*ratio naturalis*) и этот разум устанавливает жизненный порядок, являющийся вечным, разумным и безусловным. Требования естественного права, прогрессивные для своего времени, покоились на абстрактных законах нравственности и морали. Естественное право выдвигало доктрину о том, что «по праву природы все люди являются равными» (*jure naturale omnes homines aequales sunt*). Более того, адепты теории естественного права провозгласили даже тезис, что «*jure naturale omnes homines liberi nascuntur*» — «по естественному праву все люди рождаются свободными»⁶. Однако эти философско-этические доктрины, проникающие в римское право особенно в период разложения рабовладения, находились в вопиющем противоречии с реальной жизнью, да и с действующим правом, в котором по-прежнему широко применялись основные юридические нормы рабовладельческого общества.

Правовая доктрина о естественном праве находилась в не менее вопиющем противоречии и с царящим в действующем праве империи социальным неравенством, особенно в сфере уголовного права, и с противопоставлением прав свободных знатных лиц (*honestiores*) и низших слоев населения (*humiliores*).

Сохранение теории естественного права в кодификации Юстиниана скорее всего надо поставить в один ряд с другими демагогическими призывами этого императора, почерпнутыми у классических юристов, следовать в праве принципам справедливости, равенства всех граждан перед законом и гуманности⁷.

По римской теории права законодатель в своей деятельности всегда должен следовать принципу *равенства всех граждан перед законом* (*aequitas*). Он должен отбросить все и всяческие сословные и партийные предубеждения и ставить превыше всего благо всего общества. Но вот именно последний тезис о служении интересам общества в действительности стал той лазейкой, которая давала возможность обходить на деле провозгла-

⁵ C. A. M a c h i. La concezione naturalistica del diritto e degli istituti giuridici Romani. Milano, 1937.

⁶ Dig., I, 5.4., pr.; XII, 6.64; I, 1; 4; L, 17.32; XL, 11.2; Inst. Just., 1, 2, § 2. См.: В. М. Х в о с т о в. Система римского права. Общая часть, стр. 38—39.

⁷ В. М. Х в о с т о в. Система римского права. Общая часть, стр. 36—37; Ю. С. Г а м б а р о в. Как не следует понимать справедливость у римских юристов. «Русская мысль», 1895, кн. 12, стр. 152—172; В. М. Х в о с т о в. Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum jus* в римском классическом праве. М., 1895.

шенный на словах принцип равенства всех граждан перед законом. Оказывается, именно во имя блага всего народа и государства римское законодательство не только могло, но и должно было ограждать особые привилегии высших классов общества и духовенства. Защита же особых прав низших классов обычно считалась бесполезной для всего общества ⁸.

Другой столь же абстрактный принцип теории права, как человечность (*humanitas*), требовал от законодателя уважения к человеческой личности, устранения норм права, унижающих человека. Но как было возможно согласовать принцип гуманности с существованием рабства? И здесь римские юристы нашли удобный для них выход — не желая, естественно, подрывать основ рабовладельческого общества, они хотя и провозглашают рабство противным принципам гуманности, но признают его неизбежным злом, *поскольку рабство соответствует требованиям блага всего общества и тем самым вполне согласно с теорией aequitas* ⁹.

Вся ханжеская сущность теории *humanitas* с особой наглядностью проявляется, если мы обратимся к римской системе наказаний за уголовные преступления, являющейся одной из самых жестоких покаральных систем всех времен и народов ¹⁰.

В не меньшем противоречии эти правовые доктрины находились и с духом автократизма и неограниченности власти императора, пронизывающим все законодательство Юстиниана. Как известно, именно в законодательстве этого императора нашло окончательное оформление учение о божественности и полной непогрешимости власти автократора на земле. Император был «живым законом», совершенным воплощением неограниченной власти ¹¹.

Тем самым философско-политические идеи волюнтаризма, полной зависимости закона от воли императора были доведены до своих крайних пределов. Только разум, воля автократора бесконтрольно могли творить законы и являлись непререкаемыми источниками права. Как же можно было это согласовать с принципами естественного права, всеобщего равенства перед законом и гуманности? И здесь теория права, создав учение о добром и мудром императоре, вдохновляемом в своей законодательной деятельности свыше, пыталась примирить эти непримиримые положения. Но действительность на каждом шагу опровергала теоретические выкладки римских юристов.

Поскольку теперь развитие права происходило не через посредство научной деятельности юристов, а путем законодательства императора, не знавшего никаких пределов своему произволу, постольку оно *все больше зависело от императорского деспотизма, от изменений внутренней и внешней политики императорского правительства*. И хотя властный деспотизм Юстиниана делал порою законодательные реформы более решительными и смелыми, чем отвлеченные построения ученых юристов, но вместе с тем законы менялись очень быстро в связи с колебаниями политики императора, издавались зачастую по частным новодам и по своему содержанию отличались расплывчатостью и порою даже мелочностью. Особенно проявляется это в Новеллах Юстиниана, которые характеризуются многословием и крайним самовосхвалением, напыщенностью стиля и вычурностью языка.

⁸ Dig., II, 2.1, pr.

⁹ Dig., XXVIII, 5.84 (82); XL, 5.37.

¹⁰ Dig., XLVIII, 19. 1—42.

¹¹ CJ, I, 14.12, Const. Deo auctore, 7; Const. Imperatoriam, praef.; Const. Tanta, 18.21; Nov. Just. 113, cap. 17. См. М. М. Покровский. Очерки по римской истории и литературе, гл. 1. Философские учения о власти и их отражения в римской литературе и праве. СПб., 1907.

Никогда еще в законодательстве не расцвела таким пышным цветом идея о *всеобъемлющем могуществе императорских законов*, которые якобы способны, как по мановению волшебной палочки, исцелять все язвы общества, устранять злоупотребления и ошибки судей, поднимать моральный уровень граждан, улучшать все условия жизни населения империи. Однако мы знаем, насколько заблуждался Юстиниан в отношении действительности своих законов и насколько иллюзорны и эфемерны оказались его попытки найти выход из кризиса, переживаемого империей в VI в.

Со времени создания Восточной Римской империи и перенесения центра государства в Константинополь как в философии права, так и в действующем праве все больше и больше сказывается влияние греческих и восточных философских учений, обычаев, правовых норм и юридических воззрений¹². Если и ранее на Востоке в судебной практике были сильны местные обычаи, то в Юстиниановом праве уже *отчетливо прослеживается проникновение греко-восточных идей и традиций в общееимперское право*. Теперь, когда уже не существует особого римского народа, когда произошла широчайшая нивелировка всего населения и смешение римлян с другими народностями, законодательство, приобретая характер законов для всех подданных, должно было все больше впитывать в себя юридические представления народов, населявших империю.

Особенно сильное влияние на римскую теорию права оказала греческая философия. В римской философии права не без воздействия стоиков были выработаны такие теоретические положения, как учение о естественном праве, как принципы *aequitas* и *humanitas*.

Смягчение бесправного положения женщин в сфере семейного и наследственного права также родилось не без влияния греческой философии и этических воззрений греков и других народов Восточной Римской империи¹³.

В римском уголовном праве влияние греческой философии и правовой науки сказалось прежде всего в выработке, под прямым воздействием учения Аристотеля о категориях преступных деяний, теоретических презумпций о различных градациях понятия вины (*culpa*), в создании законоположений о заранее обдуманном умысле, о внезапном умысле, о неосторожности. Восточные обычаи проникали и в систему наказаний *Дигест* за уголовные преступления¹⁴.

На изменение правовой доктрины в законодательстве Юстиниана по сравнению с классическим правом, естественно, оказало влияние и

¹² О восточных влияниях в праве Юстиниана существует обширная литература, и мы не считаем целесообразным вновь возвращаться к подробному рассмотрению этого вопроса. См. L. Mitteis. *Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs*. Leipzig, 1891; M. San-Nicolo. *Il problema degli influssi greco-orientali sul diritto bizantino* («Atti del Congresso internazionale di diritto romano». Pavia, 1934, p. 255—280); P. Collinet. *Études historiques sur la droit de Justinien*, t. I. *Le caractère oriental d'oeuvre législative de Justinien*. Paris, 1925; i d e m. *Les facteurs de développement du droit romain privé au Bas-Empire*. ZSSR, RA, Bd. 49, 1929, S. 691—692; E. Levy. *Westen und Osten in der nachklassischen Entwicklung des römischen Rechts*. ZSSR, RA, 1929, S. 230—259; i d e m. *West-östliches Vulgarrecht unter Justinian*. ZSSR, RA, Bd. 76, 1959; P. Bonfante. *Diritto romano*. Roma, 1900, p. 88 sq.; i d e m. *Studia dell diritto romano*. Roma, 1934 и др.

¹³ Влияние правовых норм греков, сирийцев и других народов Востока империи на улучшение положения женщины в законодательстве Юстиниана сказалось прежде всего в появлении новых институтов, таких, как институт предбрачного дара (*donatio ante nuptias*), имущества подвластных детей, получаемого со стороны матери и ее родственников (*bona adventitia*).

¹⁴ А. Н. Стоянов. *Уголовное право Рима от древнейших времен до Юстиниана включительно*. «Записки Харьковского университета», № 3, 1895.

христианство. Глубочайший идеализм и спиритуализм христианского вероучения первоначально очень не вязался с сугубым практицизмом римского права. Но и здесь постепенно христианство сумело использовать право в интересах господствующей церкви, а императорское правительство — приспособить христианское вероучение к прославлению и укреплению единодержавной власти. Церковь в угоду императору провозгласила доктрину, проведенную в праве, о божественности власти императора и его законов, а взамен этого имперское правительство не только защищало имущественные и политические привилегии духовенства, но и поддержало его борьбу с еретиками и отступниками, поставив в зависимость от исповедания ортодоксальной религии гражданские права человека в обществе¹⁵.

В целом римская теория права, воплотившаяся в законодательстве Юстиниана, сочетала в себе некоторые прогрессивные черты философско-этических представлений, накопленных в период античности, с глубоко реакционными воззрениями рабовладельческого общества эпохи его кризиса. С одной стороны, мы видим *поиски человеческой мыслью путей к созданию права на основе принципов всеобщего блага, равенства, гуманности*, с другой — увековечение и возведение в степень философско-правовой доктрины *принципа абсолютной монархической власти*, столь далекой от идеалов всеобщего равенства, *защиту политических и сословных привилегий высших слоев общества и духовенства, правовое признание глубочайшего социального неравенства между свободными и рабами, honestiores и humiliores*.

Абстрактные поиски и теоретические умозрительные построения римской юриспруденции находились в неразрешимом противоречии с глубоко классовым, монархическим характером Юстинианова законодательства. Философия права при Юстиниане была столь же противоречива, как и эпоха, ее породившая.

2. Отражение в законодательстве Юстиниана социально-экономических изменений, происшедших в империи к VI веку

а) Эволюция институтов собственности и владения

Законодательство Юстиниана как бы подвело итог изменениям, происшедшим в *отношениях собственности* в Римской империи к VI в.

Создание единой империи, рост экономических связей между провинциями и торгового оборота, развитие частной собственности в ущерб собственности городских курий и корпораций настоятельно требовали *унификации всех существовавших ранее видов собственности и создания единой универсальной собственности*, снабженной прочной исковой защитой. Эволюция собственности в римском государстве была сложным многовековым процессом: в древнейшем праве Рима собственность имела однородный характер, затем, пройдя стадию существования нескольких видов собственности, она вновь закончила свое развитие в VI в. однородностью в законодательстве Юстиниана¹⁶. Как и предшествующие

¹⁵ О влиянии христианства на законодательство Юстиниана см. M. Roberti — C. Bussi — W. Vismara. *Cristianesimo e diritto romano*. Milano, 1935; Fr. Leifer. *Christentum und römisches Recht seit Konstantin*. ZSSR, RA, Bd. 58, 1938, S. 185—202; B. Biondi. *Justiniano primo principe e legislatore cattolico*. Milano, 1936; E. H. Kaden. *L'Eglise et l'état sous Justinien*. «Mémoires publ. par la Faculté de Droit de Genève», 9 (1952), p. 109—144.

¹⁶ В своем развитии институт собственности в Риме прошел следующие этапы: смягчение формализма древней квинтиской собственности и появление более гиб-

виды собственности, собственность при Юстиниане сохраняла рабовладельческий характер. В законодательстве Юстиниана отражены важные реформы, завершившие процесс создания института единой собственности. Прежде всего был окончательно уничтожен дуализм между гражданской (квиритской) и бонитарной (преторской) собственностью. Это было сделано двумя Конституциями Юстиниана. В первой из них, изданной в 530/31 г., отменялось так называемое *nudum jus Quiritium* и устанавливалось правовое равенство между всеми видами собственников на любые вещи¹⁷. Характерно, что среди этих вещей на первом месте особо выделяются рабы (. . . *sed sit plenissimum et legitimus quisque dominus sive servi sui sive aliarum rerum ad se pertinentium*)¹⁸. Впрочем, рабы упоминаются почти во всех законах Юстиниана, касающихся прав собственности, что лишний раз говорит о сохранении рабовладельческого характера собственности и в VI в.

Вторая Конституция Юстиниана 531 г. сделала последний шаг по пути уничтожения дуализма квиритской и бонитарной собственности. Поскольку различие между ними было связано со старинным и уже потерявшим значение делением вещей на *res mancipi* [земли в Италии, рабы, домашние животные, ходящие под ярмом и под седлом (*boves, muli, equi, asini*), сельские предельные сервитуты] и *res nec mancipi*, которые включали движимость, городскую собственность и все остальные вещи, находящиеся в обороте и могущие быть предметом сделок гражданского права (*res in commercio*)¹⁹, то новый закон Юстиниана и отменял это разделение²⁰. Важнейшим последствием этой отмены разделения вещей на *res mancipi* и *res nec mancipi* были упрощение и унификация форм передачи собственности.

Практическое различие между *res mancipi* и *res nec mancipi* сводилось к различным способам перенесения права собственности на них. Право собственности на *res mancipi* переносилось с одного лица на другое путем сложной и торжественной процедуры *mancipatio*²¹.

Для *res nec mancipi* давно уже существовал более простой способ передачи, происходивший без всякой торжественности и состоявший в простой передаче вещи собственником приобретателю (*traditio*)²².

кой формы преторской или бонитарной собственности, превышающей права квиритской, выделение вступившей в широкий оборот собственности перегинов, признание прав собственности частных лиц на провинциальные земли. Об эволюции института собственности в Риме см.: В. М. Хвостов. История римского права, стр. 105—118; 272—299; 408—414; его же. Система римского права, II. Вещное право. М., 1908; И. А. Покровский. История Римского права. Пг., 1917, стр. 244—282; его же. Лекции по истории римского права. СПб., 1911, стр. 146—166; «Римское частное право», учебник под ред. И. С. Перетерского. М., 1948, раздел V, стр. 137—234 и др. О квиритской и бонитарной собственности см. В. М. Хвостов. Система . . . , II, стр. 6—7; Учебник «Римское гражданское право», стр. 195—199.

¹⁷ CJ, VII, 25.1. Квиритская собственность, ранее сталкиваясь с преторской, была *nudum jus Quiritium* и уступала преторской, ибо бонитарный собственник мог парализовать право квиритского собственника различными экзециями, предоставленными ему претором (В. М. Хвостов. История . . . , стр. 280).

¹⁸ CJ, VII, 25.1.

¹⁹ *Res in commercio* противопоставлялись *res extra commercium*, к которым относились *res sacrae* — храмы, алтари; *res religiosae* — места погребения свободных лиц; городские стены и ворота; *res publicae* — все вещи, принадлежащие государству, и *res omnium communes* — вещи общего пользования — атмосфера земли, моря, текущие воды (В. М. Хвостов. История римского права, стр. 106).

²⁰ CJ, VII, 31.1. См. Б. П. Иванов. *Res mancipi et nec mancipi*. (Очерк по истории римского права). Казань, 1914.

²¹ О *mancipatio* см. В. М. Хвостов. История римского права, стр. 109—110. Учебник «Римское гражданское право», стр. 201—202.

²² О *traditio* см. В. М. Хвостов. История . . . , стр. 110; его же. Система . . . , II, стр. 15; «Римское гражданское право», стр. 202—206.

Ко времени Юстиниана *traditio* уже стала универсальной абстрактной формой передачи собственником другому лицу фактического владения (*possessio*) любой вещи, не обязательно связанной с вручением этой вещи ²³.

Отменив деление вещей на *res mancipi* и *res nec mancipi*, Юстиниан сделал *traditio* единым способом перенесения собственности, применяемым к созданному им же единому виду собственности ²⁴. В праве Юстиниана, в связи с общей тенденцией к введению письменных актов, *traditio* должна была обычно сопровождаться составлением письменного документа ²⁵.

Наряду с *mancipatio* была фактически отменена и другая устаревшая громоздкая форма передачи собственности, связанная с фиктивным судебным процессом, так называемым *in jure cessio* ²⁶. Устаревшие термины *mancipatio* и *in jure cessio* при проведении в VI в. кодификации права устранялись юристами Юстиниана.

Одновременно был завершен процесс уравнивания прав собственности на земли в Италии и в провинциях ²⁷. Право частных лиц на провинциальные земли стало в законодательстве Юстиниана обыкновенным правом собственности, снабженным общей исковой защитой ²⁸. Для частных земельных собственников, как местных, так и пришлых, в провинциях, до этого времени не имевших прочных прав на свои земли, реформа Юстиниана имела огромное практическое значение. Особенно, конечно, в этом были заинтересованы новые римские собственники, приобретшие огромные земельные владения в провинциях из государственного земельного фонда и настоятельно требовавшие предоставления им твердых прав собственности на провинциальные земли.

Таким образом, в VI в. получает окончательное юридическое оформление единая собственность, приобретаемая одним способом и приложимая одинаково ко всем вещам ²⁹. В законодательстве Юстиниана теперь право собственности обозначалось как полная власть над вещью (*plena in re potestas*).

Эта унификация собственности имела очень важные последствия. С одной стороны, универсальная собственность, установленная на все земли, способствовала укреплению провинциального землевладения, а облегчение способов ее передачи ускоряло мобилизацию земель в руках крупных землевладельцев и рабовладельцев, опять-таки в первую очередь в провинциях. Но вместе с тем введение единой упрощенной формы передачи собственности (*traditio*), не связанной с затратами и не требующей много времени, значительно ускорило осуществление земельных сделок и для средних и мелких земельных собственников, независимо от их места жительства, в то время как старые, торжественные формы передачи собственности всегда были более доступны привилегированным слоям общества. Таким образом, унификация собственности была выгодна

²³ «Римское гражданское право», стр. 203.

²⁴ В. W. Leist. *Mancipation und Eigentumstradition*. Jena, 1865; Rohde. *Studien in Besitzrecht*. Düsseldorf, 1912.

²⁵ «Римское гражданское право», стр. 203.

²⁶ В. М. Хвостов. История..., стр. 409. О передаче собственности в форме *in jure cessio* см. там же, стр. 110—111.

²⁷ О статусе провинциальных земель см. «Римское гражданское право», стр. 196—197; В. М. Хвостов. Система..., II, стр. 7—8. Захваченные по праву завоевания, эти земли принадлежали номинально римскому народу и императору, права на них носили публичный характер, они облагались налогами, прежние местные собственники сохраняли лишь владение, а не собственность на свои земли и не имели прочной исковой защиты.

²⁸ CJ, VII, 31.1, § 44; Inst. Just., 2.1.

²⁹ В. М. Хвостов. История..., стр. 409.

большинству как крупных, так и средних землевладельцев империи. Не менее выгодна была она и торгово-ремесленным кругам, ибо ускоряла торговый оборот и облегчала проведение самых различных сделок, связанных с передачей прав собственности. Кроме того, именно универсализм собственности в праве Юстиниана помог рецепции этого права в германо-романских странах Европы в средние века и в новое время.

В тех же целях стабилизации хозяйства страны в законодательстве Юстиниана юридически оформляется процесс *укрепления права владения (possessio) и превращения его при определенных условиях в право собственности*. В кодификации Юстиниана сделан шаг к облегчению передачи (traditio) владения: кроме существовавшей ранее передачи «длинной рукой» (traditio longa manu), когда прежний владелец, не передавая вещи, указывал на нее приобретателю (например, при передаче земельного участка не обязательно было его весь обходить, а достаточно осмотреть с башни)³⁰, теперь вводится еще и передача «короткой рукой» (traditio brevi manu). Эта передача состоит в том, что прежний держатель вещи, например депозитарий, ссудоприиматель — коммодатарий, прекарист (державший до востребования и др.), с согласия владельца становится владельцем без нового акта передачи вещи. Здесь для приобретения вещи уже достаточно только волеизъявления владельца, что ранее не допускалось³¹.

В законодательстве Юстиниана закрепляется, кроме того, сложившаяся уже практика владения через других лиц³². Если владелец насильственно (de vi) изгнан из своего владения, но не изгнаны его подвластные, в том числе рабы, то за ним сохраняется право владения³³.

Законодательство Юстиниана оформило правила потери права владения в случаях: 1) передачи вещи по воле владельца, 2) утраты вследствие его смерти, 3) при гибели вещи. Очень важно введение строгой защиты владения во время отсутствия владельца. Когда кто-либо захватил силой владение в отсутствие его владельца, то владелец терял вещь только в том случае, если, узнав о потере, он не хотел или не мог (через суд) вернуть ее. Если же установлено наличие обмана или небрежности со стороны лица, через посредство которого владелец владел вещью в свое отсутствие, то владение за ним сохраняется³⁴.

Усилена исковая защита владения в отсутствие владельца. Создан особый интердикт (interdictum momentariae possessionis), действовавший в течение 30 лет в пользу отсутствовавшего владельца и всех его заместителей против всякого захватившего это владение³⁵. При Юстиниане вообще была упрощена и тем самым облегчена исковая защита юридического владения. Юстиниан уничтожил различие между существовавшими ранее владельческими интердиктами uti possidetis и utrobi³⁶, свел их к одному интердикту uti possidetis, распространил его одинаково на движимые и недвижимые вещи и установил, что защита должна всегда оказываться по интердикту uti possidetis тому лицу, которое владеет вещью к моменту начала процесса не насильственно, не тайно и не прекарно от своего противника по тяжбе (nec vi nec clam nec precario ab adversario)³⁷. Уничтожено деление интердиктов о насильственном за-

³⁰ Dig., XLI, 2.18.2.

³¹ Dig., XLI, 1.9.5.

³² Dig., XLI, 2.18, pr.; XLI, 1.20.2; XLI, 1.53.

³³ Dig., XLIII, 16.1.4.5.

³⁴ C.J., VIII, 4.11. Ср. C.J., VII, 32.12.

³⁵ C.J., VIII, 4.11; VII, 32.12.

³⁶ О различии этих интердиктов см. «Римское частное право», стр. 184—188.

³⁷ Dig., XLIII, 31.1, § 1; Inst. Just., 4.15, § 4.

хвате владения (*unde vi*) на интердикты о совершении обычного насилия без применения оружия (*interdictum de vi cotidiana*) и вооруженного нападения (*interdictum de vi armata*), создан единый интердикт о насилии (*interdictum de vi*) с облегченными для владельца условиями вчинения. Теперь при насильственном захвате владения от владельца *не требовалось доказывать отсутствие порочности его владения* (т. е. не включалось в интердикт *exceptio vitiosae possessionis*), и интердикт действовал неограниченно в течение одного года³⁸. Владелец при совершении над ним насилия уже не должен был доказывать законность своего владения, а получал право на немедленный возврат захваченного у него имущества. Те же правила были распространены и на прекарное держание: по первому требованию владельца прекарист должен немедленно возвратить имущество, а владелец не обязан доказывать отсутствие порочности своего владения³⁹.

В плане укрепления владения очень важны реформы Юстиниана, связанные с институтом приобретательной давности.

В праве Юстиниана был подведен итог развития двух ранее существовавших институтов приобретательной давности: *usucapio*⁴⁰, применявшейся на итальянских землях и только для римских граждан, и *longi temporis praescriptio*⁴¹, распространенной в провинциях и по отношению к владениям peregrinov. Согласно Конституции 531 г. (той же, что отменила разделение вещей на *res mancipi* и *res nec mancipi*), оба института—*usucapio* и *longi temporis praescriptio* *сливались в единый институт приобретательной давности*, объединивший и несколько видоизменивший условия обоих отмененных институтов.

Согласно Конституции Юстиниана 531 г., всякий владелец, реально владевший чужой движимой вещью три года, а недвижимой 10 лет, если прежний собственник и давностный владелец жили в одной провинции (*inter praesentes*), и 20 лет, если они жили в разных провинциях (*inter absentes*), получал на свое владение права собственности.

Изменения Юстиниана в отношении сроков давности сводились к следующему: сроки были удлинены по сравнению с очень короткими сроками узукании (один год для движимых вещей и два года — для недвижимых); для недвижимых вещей вводился новый, тоже сравнительно короткий срок давности в три года, а более длинные сроки, применявшиеся в институте *longi temporis praescriptio* одинаково к движимым и недвижимым вещам, прилагались теперь только к недвижимости⁴².

Другие условия для приобретения прав собственности по давности сохранялись такими же, как и в обоих слитых теперь институтах: 1) владение (*possessio*), 2) истечение срока, 3) владение должно покоиться на *justus titulus* — законных основаниях, 4) оно должно быть добросовестным (*bona fide*), 5) сама вещь обязана быть *res habilis*, т. е. способной к узукании (неспособными к узукании считались *res extra commercium*

³⁸ Inst. Just., 4.15, § 6. Ранее при насильственном захвате владения для возврата вещи требовалось, чтобы владелец доказал отсутствие порочности владения, т. е. что он владеет вещью не насильственно, не тайно и не прекарно.

³⁹ Dig., XLIII, 26.2., pr.

⁴⁰ Об институте *usucapio* и его эволюции в римском праве см.: В. М. Х в о с т о в. История. . . , стр. 111; е г о ж е. Система. . . , II, стр. 27; «Римское частное право», стр. 209—210; Р. К р ü g e r. Derelictio und usucapio (*Ἐννόμωσις παρπούλια*), 1934; А. U b b e l o h d e. Ueber die usucapio pro mancipato. Marburg, 1873; Е. S c h ö n b a u e r. Liegenschaftsrecht. Berlin, 1924; П. В. П о п о в и ч. Определение давности и давности владения в древнеримском гражданском праве. Варшава, 1911, стр. 1—82.

⁴¹ Об институте *longi temporis praescriptio* см. В. М. Х в о с т о в. История. . . , стр. 279—280; е г о ж е. Система. . . , II, стр. 27; «Римское частное право», стр. 210—211.

⁴² CJ, VII, 31.1, § 1.

и *res furtivae* — краденые вещи до их возвращения законному собственнику)⁴³.

Условия приобретения собственности по давности были обобщены самими римлянами в таком гекзаметре: «*res habilis, titulus, fides, possessio, tempus*»⁴⁴. Очень важным послаблением при исчислении срока давности было включенное в Конституцию Юстиниана из института *longi temporis praescriptio* так называемое *accessio possessionis*, т. е. к владению каждого лица присчитывается владение его предшественников, если оно также удовлетворяло всем условиям приобретательной давности⁴⁵.

Важно отметить, что как и в других законах, касающихся собственности, и в этой Конституции Юстиниана опять особо упоминаются самодвижущиеся вещи (*res se moventes*), т. е. рабы и скот, что лишний раз говорит о рабовладельческом характере собственности⁴⁶.

Кроме того, законом 528 г. Юстиниан создал еще один вид приобретательной давности, так называемый *longissimi temporis praescriptio*. Если кто-либо добросовестно приобрел вещь и оставался ее владельцем до истечения срока погашения иска собственника (30 или 40 лет), тот получал, кроме экцепции против иска собственника, еще и иск *res vindicatio*, т. е. в случае потери владения вещью он мог предъявить иск о ее выдаче⁴⁷. Таким образом, погасительная давность в 30 лет, установленная еще императором Феодосием II в 424 г.⁴⁸, теперь, при Юстиниане, была превращена в приобретательную. Экстраординарная давность (*longissimi temporis praescriptio*) отличается от обыкновенной приобретательной давности тем, что срок ее длиннее, но зато для новых собственников не требуется ни *justus titulus*, ни *res habilis*⁴⁹, требуется лишь одно условие — добросовестного (*bona fide*) приобретения при начале владения.

Очень важно, что теперь и обыкновенная и экстраординарная приобретательная давность получила не только защиту путем возражения против требований прежнего собственника, но и предоставление виндикационного иска, что делало права собственности наиболее прочными.

Изменения, введенные законодательством Юстиниана в институт приобретательной давности, были очень выгодны новым земельным собственникам, особенно в провинциях империи. При Юстиниане эти изменения были внесены явно в интересах новых землевладельцев и рабовладельцев, стремившихся приобрести прочные права собственности на захваченные ими владения. Институту 30-летней давности суждено было потом сыграть важную роль в аграрной истории Византии.

Для государственной власти и господствующего класса империи в поисках выхода из аграрного кризиса важно было укрепление прав новых владельцев в целях поощрения обработки пустующих и заброшенных земель. С этой целью в законодательство Юстиниана были включены законы императоров IV в., охраняющие интересы новых владельцев. Заброшенный земельный участок передавался в собственность тому, кто

⁴³ CJ, VII, 31.1, § 2, 3. О *res habilis* см. В. М. Хвостов. История . . . , стр. 112. О владении *bona fides*, *justus titulus*, *res habilis* см. В. М. Хвостов. Система . . . , II, стр. 28—32.

⁴⁴ В. М. Хвостов. Система . . . , II, стр. 28.

⁴⁵ CJ, VII, 31.1, § 3.

⁴⁶ CJ, VII, 31.1, § 2.

⁴⁷ CJ, VII, 39.8.

⁴⁸ CJ, VII, 39.3.

⁴⁹ Только *res extra commercium* — вещи, находившиеся в общественном пользовании или не допускавшие установления частной собственности, не подлежали действию и экстраординарной давности. См. В. М. Хвостов. Система . . . II, стр. 28 и 33.

его начнет возделывать; старый собственник мог вернуть эту землю только в течение двух лет и при условии возмещения новому владельцу его затрат⁵⁰. Вводился запрет насильственного захвата вещей у владельцев со стороны прежних собственников под страхом потери права собственности⁵¹.

В кодификации Юстиниана были проведены упрощение и унификация не только прав собственности, но и прав на чужую вещь (*jure in re aliena*), в первую очередь — сервитутов. Были уничтожены устаревшие способы приобретения сервитутных прав, такие, как манципация и процессуальная цессия (*mancipatio* и *in jure cessio*), и заменены более простыми — *actio et stipulatio*, *quasi traditio*⁵², установление сервитута в завещании *mortis causa* и приобретение его по давности⁵³. Тем самым было отменено различие между цивильными и преторскими способами установления сервитутов.

Кроме того, в законодательство Юстиниана были внесены изменения в способы прекращения сервитутных прав. Теперь незначительное уменьшение правоспособности (*capitis demitutio minima*) обладателя сервитута, связанное с изменением его положения в семье (*status familiae*), не влекло за собой, как раньше, потери сервитутных прав⁵⁴. Сроки, по прошествии которых наступала потеря сервитутных прав вследствие неиспользования этих прав (*non usus*), в законодательстве Юстиниана были удлинены: вместо годичной давности для сервитута, предметом которого является движимая вещь, и двухлетней для недвижимой вещи устанавливался значительно более долгий срок без различия характера вещей — 10 лет *inter praesentes* и 20 лет *inter absentes*⁵⁵.

Упрочение сервитутных прав владельцев должно было также способствовать стабилизации сельского хозяйства. Зачастую это могло быть выгодно не только крупным землевладельцам, которые всегда при помощи своего политического влияния могли добиться осуществления нужных им сервитутов, но и средним и мелким собственникам, более нуждавшимся в законной защите своих сервитутных прав (прогон скота, использование дорог, рек, мостов, источников и т. п.) от произвола богатых и сильных соседей.

В VI в. византийское правительство должно было начать серьезную борьбу против запустения многих земель в провинциях. Необходимо было принять срочные и радикальные меры для привлечения земледельцев к обработке этих заброшенных земель и возделывания пустошей.

С этой целью в законодательстве Юстиниана дается сильная юридическая защита институту долгосрочной аренды — *эмфитевсису*. Сам этот институт получил большое распространение в империи с конца V—VI в. Эмфитевсис практиковался преимущественно в императорских, но также и в патримонIALных имениях⁵⁶. Эмфитевсис — это долгосрочная аренда неводеланных участков земли, причем право эмфитевта имеет очень

⁵⁰ CJ, XI, 59 (58). 8.

⁵¹ CJ, VIII, 4.7, § 1; Inst. Just., IV, 2, § 6; IV, 15. Cp. Dig., XLVIII, 7.7 и IV, 2.13; Nov. Just. 52, cap. 1; Nov. 60, cap. 1; Nov. 134, cap. 7.

⁵² Об этом см.: «Римское частное право», стр. 227; Dig. VIII, 3.1.2; VIII, 3.33.1.

⁵³ Inst. Just., II, 3, § 4; II, 4, § 1. Установление сервитутов по давности (*longi temporis possessio*) см. Dig., VIII, 5.10, pr.; Inst. Just., I, 2.3, 4; II, 4.1.

⁵⁴ CJ, III, 33.16, § 2; Inst. Just., II, 4, § 3; P. M a s s o n. Essai sur la conception de l'usufruit en droit romain. «Revue historique droit français et étranger», ser. 4, t. 13, 1934, p. 1—47, 161—218.

⁵⁵ CJ, III, 33.16, § 1; III, 34.13.14, pr. См.: Б. П. И в а н о в. Личные сервитуты *usus fructus* и *usus*. Их различие. «Ученые записки Казанского университета», 1917, март—апрель, стр. 1—28.

⁵⁶ CJ, XI, 61 (62).7.

широкое содержание. Наряду с этим право собственности на ту же вещь хотя и сохраняется, но получает второстепенное значение. Эмфитевсис почти заслоняет собою право собственности первоначального собственника, однако полностью не вытесняет его. Эмфитевт собственником земли не является⁵⁷, и в случае уничтожения эмфитевсиса вещь не становится бесхозной (*res nullius*), но на нее вновь распространяется во всем объеме право собственности ее хозяина⁵⁸.

Институт долгосрочной аренды земли для ее обработки на условии ежегодного взноса определенной платы — древнего происхождения. В Италии он рано принял форму аренды на 100 лет и более с уплатой вознаграждения — *agri vestigales* (оброчных земель) (от *vestigal* — годовая арендная плата, оброк); на Востоке он получил название *ἐμφυτεύσις* от греческого глагола *ἐμφυτεύειν* — насаждать, поскольку основной обязанностью эмфитевта было возделывание необработанных земель и насаждение на них плодоносящих растений. И тот и другой институты прошли длительный путь развития. В Риме — в республиканскую эпоху — право *in agri vestigali* практиковалось на государственных, городских и общинных землях, причем было распространено преимущественно среди мелких арендаторов. В эпоху империи оно стало применяться главным образом на императорских землях, и преобладающее значение получили арендаторы крупных земельных массивов.

Jus in agro vestigali постепенно получило прочную исковую защиту, близкую к защите собственности⁵⁹. Что касается эмфитевсиса, то этот институт был известен еще в Египте, Карфагене и древней Греции и применялся первоначально тоже на государственных, храмовых и городских землях, позднее и в частных поместьях крупных землевладельцев. В конце V—VI в. в Византийской империи, в связи со все большим распространением восточных обычаев и установлений, *jus in agro vestigali* начинает сливаться со сходным институтом эмфитевсиса. Окончательное слияние этих двух разновидностей долгосрочной аренды происходит в законодательстве Юстиниана, где эмфитевсис и *jus in agro vestigali* соединяются в один правовой институт. При этом возобладало восточное название — эмфитевсис⁶⁰.

В праве Юстиниана эмфитевсис получил окончательное оформление и приобрел следующий вид. Эмфитевсис применялся только к недвижимости и преимущественно к сельским участкам. Права долгосрочного арендатора, — обладателя *jus emphyteusis* — весьма широки и по своему содержанию близки к правам собственника. Эмфитевт осуществлял реальное владение и поэтому пользовался всеми исками, защищавшими право владения, располагая *juris quasi possessio* и всеми владельческими интердиктами, как-то *interdictum unde vi* и *uti possidetis*⁶¹. Кроме того, право эмфитевта обычно защищено и вещными исками, аналогичными с исками собственника⁶². Эмфитевт мог завещать и передавать свои права по наследству⁶³. Все доходы с участка и плоды земли поступали в полную его

⁵⁷ CJ, IV, 66.1; Dig., VI, 3.1, § 1; XXVII, 9.3, § 4; XXX, 71, § 5, 6; XXX, 86, § 4; XXXIX, 2.19; XLIII, 18.2; L, 16. 49.

⁵⁸ Inst. Just., II, 4.4; Dig., XIII, 7.18, § 1.

⁵⁹ Об *agri vestigales* см. «Римское частное право», стр. 232—233.

⁶⁰ Dig., II, 8.15, § 1 (интерполяция). Rubr. Dig., 6.3. Устанавливается эмфитевсис путем заключения особого договора (*contractus emphyteuticarius*) между собственником земли и эмфитевтом. Приобрести эмфитевсис можно было также и по давности (CJ, XI, 61 (62). 11). Добровольная передача эмфитевсиса *inter vivos*, «из рук в руки», происходила путем *traditio*, как и передача собственности.

⁶¹ Dig., VIII, 2.8.15, § 1.

⁶² Dig., VI, 2.1, § 1; VIII, 1.16; VI, 2.12, § 2.

⁶³ Dig., XXII, 1.25, § 1.

собственность с момента их отделения (*separatio*)⁶⁴. Он мог изменять хозяйственное назначение вещи, делать различные постройки и насаждения на участке, но все эти изменения должны были быть направлены в сторону хозяйственного улучшения, а не ухудшения участка⁶⁵. В тех же целях он мог отдавать эфитевсис в залог⁶⁶, предоставлять любым лицам на него сервитуты⁶⁷. И самое главное, он имел право отчуждать эфитевтический участок *inter vivos* и *mortis causa*, т. е. завещать, дарить и продавать, но обязательно надежным приобретателям, которые продолжают обработку земли⁶⁸. Правда, право эфитевта на отчуждение участка было ограничено некоторыми, не особенно тяжелыми условиями. Если он намерен продать участок, то обязан предупредить об этом собственника, и тот в течение двух месяцев может воспользоваться своим правом предпочтительной покупки (*protiμησις*) эфитевсиса. При отчуждении участка любым способом собственник взимает в свою пользу с эфитевта особый сбор (*laudemium*), равный 2% покупной платы или цены эфитевсиса. За несоблюдение этих правил хозяин (*dominus*) при желании может лишить его участка⁶⁹. Обязанности эфитевта складывались прежде всего из уплаты поземельной подати и других государственных налогов⁷⁰ и ежегодного взноса ренты (*canon, pensio, vestigal*) собственнику земли⁷¹. Рента могла вноситься как деньгами, так и натурой. В случае уменьшения участка или сильного неурожая эфитевт, в отличие от обыкновенных земельных арендаторов, не мог требовать снижения канона⁷². Но зато его канон, как правило, был несколько ниже обычной арендной платы. Если эфитевт не вносит государственные подати или не платит канон собственнику земли в течение трех лет, он лишается своих прав на участок⁷³. Собственники церковных земель были еще более строги к своим эфитевтам и отнимали у них участок в случае неуплаты канона в течение хотя бы двух лет⁷⁴.

При отчуждении эфитевсиса все повинности переходили на нового владельца. Государство настолько тщательно следило за поступлением налогов с эфитевтических владений, что, например, предписывало считать дарение такого участка действительным только при условии уплаты в казну в срок эфитевтом всех налогов⁷⁵. Эфитевты освобождались от экстраординарных повинностей, но должны были принимать участие в сооружении дорог⁷⁶.

Другие обязанности эфитевта сводились к постоянной заботе о полученном им участке. Он должен был следить за поддержанием и улучшением культуры земледелия. Если он, по своей нерадивости или оплошности, совершит хозяйственный промах и нанесет серьезный ущерб участку или произведет порчу насаждений, то собственник (*dominus*) может лишить

⁶⁴ Dig., XXII, 1.25, § 1.

⁶⁵ Nov. Just., 7, cap. 3, § 2; Nov. 120, cap. 8.

⁶⁶ Dig., XIII, 7.16, § 2.

⁶⁷ Dig., VII, 4.1, praef.

⁶⁸ Inst. Just., III, 24, § 3; Dig., VI, 3.1, pr.; XXX, 71, § 6; CJ, XI, 58 (59).2. Правда, продажа эфитевтического участка не должна была нарушать нормального ведения хозяйства всего имения и уплаты податей, поэтому покупатель должен был обеспечить взнос налогов и обработку участка (*ibidem*).

⁶⁹ CJ, IV, 66.3 (*De jure emphyteutico*). Конституция Юстиниана, 529—530 гг.

⁷⁰ CJ, IV, 66.2; XI, 64(65).4.

⁷¹ Inst. Just., III, 24, § 3; Dig., VI, 3.1.2; CJ, IV, 66.2, § 1. CJ, IV, 66.3, § 3.

⁷² CJ, IV, 66.1; Inst. Just., III, 24, § 3.

⁷³ CJ, IV, 66.2.

⁷⁴ Nov. Just., 7, cap. 3, § 2; Nov. 120, cap. 8.

⁷⁵ CJ, XI, 61 (62).1.

⁷⁶ CJ, XI, 64 (65).1.

его прав на эфитевсис ⁷⁷. Самовольное оставление эфитевтом участка и односторонний отказ им от эфитевтического права (*derelictio*) не имели силы, ибо это могло привести к новому запустению земли, с которой платилась подать государству, а государство этого отнюдь не поощряло. Поэтому закон предписывал, что «... всякий, кто получит эфитевтическое владение, не может возратить его, ссылаясь на то, что эти земли начали становиться запущенными» ⁷⁸.

Иногда государство, заинтересованное в расширении возделанных земель, заставляло эфитевтов дополнительно брать для обработки определенное количество заброшенных земель, даже если они уже сами владели землями среднего качества ⁷⁹.

Льготные условия эфитевсиса (прочная исковая защита, практически не ограниченная сроком длительность аренды, более низкая рента и др.) предоставлялись государством именно для того, чтобы эфитевты исправно платили государственные налоги, заботились о культуре земледелия и приносили доход собственникам земли. Это было взаимно выгодно как государству, поскольку помогало подъему сельского хозяйства на заброшенных землях и увеличивало государственные налоги с этих земель, так и земельным собственникам, которые, не ведя сами хозяйство (по той или иной причине), исправно получали от эфитевтов ренту. Поэтому правительство так охотно сдавало в долгосрочную аренду запущенные государственные и императорские земли. Эфитевсис был выгоден и самим долгосрочным арендаторам, поскольку они приобретали широкие права распоряжения эфитевтическим участком, гарантированные исковой защитой, что давало большой простор их хозяйственной инициативе. Поэтому правом эфитевсиса в VI в. пользовались лица, располагающие известными средствами, достаточными для распашки заброшенного участка и налаживания на нем доходного хозяйства, которое давало бы возможность платить подати и канон и улучшать культуру земледелия. Скорее всего, эфитевты выходили из среды новых, разбогатевших собственников (как городских, так и деревенских), вкладывавших свои средства в обработку земли. Это, очевидно, могли быть и *potentissimi*, как полагает М. В. Левченко ⁸⁰, и представители состоятельных слоев городского населения, и зажиточное крестьянство. Размер имений, отдаваемых в долгосрочную аренду, был различен — от больших земельных массивов до сравнительно незначительных участков. Но к эфитевту всегда предъявлялось требование известной состоятельности как гарантии хорошей обработки заброшенного участка. «Пусть всякий, — гласил закон, — кто становится эфитевтом патримониального или государственного имения, прочно и официально закрепит за собой это патримониальное владение в том случае, если у него будет достаточно средств для восстановления запущенных владений» (*si redundantia fortunarum idoneus fuerit ad restituenda*) ⁸¹.

Однако законодательством предусматривались и такие случаи, когда эфитевт не был состоятельным человеком, и тогда для обеспечения возделывания участка он должен был выставить влиятельных поручителей; по этому поводу в законе сказано: «Если же у него средств будет меньше (чем необходимо), то пусть получит (данное владение) на эфитевтическом

⁷⁷ Nov. Just., 120, cap. 8.

⁷⁸ CJ, XI, 61(62).3.

⁷⁹ CJ, XI, 58(59).7.

⁸⁰ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи в V—VI вв., «Византийский сборник». М.—Л., 1945, стр. 68.

⁸¹ CJ, XI, 61(62).7.

праве при условии предоставления достойных поручителей»⁸². Понятно, что таким эмфитевтом мог быть небогатый *крестьянин*, а поручителями — крупные землевладельцы, которые могли в случае необходимости сами покрыть из своих средств нужные расходы по эмфитевтическому владению, конечно, извлекая из этого выгоду и для себя.

Таким образом, социальный состав эмфитевтов был, видимо, пестрым, но преобладали все же состоятельные землевладельцы. Это подтверждается еще и тем, что эмфитевты обрабатывали полученные ими в долгосрочную аренду земли не сами, а при помощи своих *рабов* и живущих в их владениях *колонов*. Закон давал им право отпускать на свободу рабов из эмфитевтических имений⁸³. Эмфитевты обязаны были заботиться о мелиорации всего имения и регулировать его орошение, поэтому колоны, живущие на этих землях, платили им за поливку садов и огородов особые деньги⁸⁴.

Итак, развитие института эмфитевсиса, получившее юридическую санкцию в законодательстве Юстиниана, — яркий показатель того, как господствующий класс Византии искал путей выхода из аграрного кризиса VI в. Стремясь не подорвать рабовладельческой основы общества и не особенно сильно задеть интересы старой рабовладельческой аристократии, представлявшей опасную оппозицию правительству, Юстиниан и его помощники видели один из таких путей в предоставлении наиболее обеспеченной и хозяйственно инициативной части новых крупных и средних земельных собственников законных прав на пустующие земли с целью подъема агрикультуры в стране.

Аналогичные явления мы наблюдаем и в городах империи VI в. Подобно развитию долгосрочной аренды в деревне, в городе и в городских пригородах к этому времени широкое распространение получает институт суперфиция (*superficies*) — долгосрочная аренда здания, построенного на чужой земле⁸⁵.

Суперфиций во многом аналогичен эмфитевсису: как и эмфитевсис, он первоначально возник на землях городских общин, храмов и государства, позднее распространился и в частных владениях⁸⁶. Как и эмфитевт, суперфициар с течением времени получил для защиты своих прав вещные иски, аналогичные искам, защищающим права собственности и все владельческие интердикты⁸⁷. Как и эмфитевт, суперфициар имеет самые широкие права пользования зданием: он передает свои права по наследству⁸⁸, может отчуждать здание *inter vivos*⁸⁹ и *mortis causa*⁹⁰, закладывать⁹¹, предоставлять сервитуты⁹². Суперфиций возможен относительно строящегося здания, уже построенного или того, которое еще только будет построено⁹³. В некоторых отношениях права суперфициара даже шире

⁸² CJ, XI, 61 (62).7: «Si vero minor facultatibus probabitur, datis fideiussoribus idoneis ad emphyteusin accedat». Большинство же, видимо, держало эмфитевтические имения без поручителей [CJ, XI, 61 (62).11].

⁸³ CJ, XI, 61 (62).12; 62 (63).2.

⁸⁴ CJ, XI, 62 (63).1.

⁸⁵ Dig., XVIII, 1.32. По воззрениям римских юристов, дома и другие постройки — это составные части почвы и принадлежат собственнику земли (*superficies solo cedit*). Однако признано и вещное право пользования чужой землей, которое дает его обладателю возможность наследственно владеть на чужой земле зданием или его частью (Dig., XLIII, 17.3, § 7).

⁸⁶ Dig., XLIII, 18.1, пр., § 4; XLIII, 17.3, § 7.

⁸⁷ Dig., XLIII, 18.1, пр., § 6; VI, 1.73, § 1; 75; VI, 2.12, § 3. В. М. Х в о с т о в. Система . . . , II, стр. 91—95.

⁸⁸ Dig., X, 2.10.

⁸⁹ Dig., VI, 2.12, § 3.

⁹⁰ Dig., XLIII, 18.1, § 7.

⁹¹ Dig., XIII, 7.16, § 2.

⁹² Dig., XLIII, 18.1, § 6; XLIII, 18.1, § 9.

⁹³ Dig., XLIII, 17.3, § 7.

прав эфитевта: например, эфитевт терял эфитевсис в случае порчи участка, а суперфициар мог сам разрушить здание, с правом постройки нового, и при этом не терял суперфиций. Материалы, оставшиеся после разрушения здания, находились в собственности суперфициара. При отчуждении здания суперфициар не связан ограничениями по отношению к собственнику, как эфитевт.

Но, как эфитевт, суперфициар обязан платить собственнику земли арендную плату за здание (*solarium pensio*) и нести расходы по ремонту и содержанию всех построек ⁹⁴.

В Юстиниановом законодательстве постановления римского права относительно суперфиция были сведены воедино с целью придать суперфицию, как и эфитевсису, прочную юридическую защиту. Стимулом к этому являлось все то же стремление правительства Юстиниана дать больший простор хозяйственной инициативе состоятельных элементов торгово-ремесленного населения городов для застройки и эксплуатации зданий на пустующих землях городских общин, государства и тех крупных магнатов, которые хотя и владели землями в городах и пригородах, но не проявляли желания или не имели уже средств для застройки этих участков, предпочитая извлекать из них доход путем сдачи в суперфиций. Суперфициары из числа торгово-ремесленной верхушки городов и новых разбогатевших дельцов вкладывали свои деньги в постройку зданий, которые потом в свою очередь сдавали в наем жителям городов, нещадно эксплуатируя их, особенно городскую бедноту.

О сложности экономических взаимоотношений между городом и деревней в VI в. говорит одно важное постановление Юстиниана, касающееся долгового права. Новеллой 535 г. Юстиниан предписал следующее: если должник не имеет денег и не может сам продать свою недвижимость для уплаты долга, то кредитор *обязан* принять в уплату *земельный участок* по справедливой оценке судей ⁹⁵. Этот закон, как подчеркивает сам законодатель, был направлен против «немилосердных» кредиторов и в защиту должников. Если учесть, что кредиторами в большинстве случаев были богатые «банкиры» и дельцы-горожане (реже крупные землевладельцы), то понятно, что правительство в данном случае помогало мелким земельным собственникам как-то выбраться из долговой кабалы ростовщиков, хотя бы ценой потери их земельного участка. Вместе с тем указание на то, что должник сам не может найти покупателя земли, говорит о том, что земли все больше теряют цену, снижается их доходность и интерес к их покупке. Поэтому-то богатые кредиторы принуждаются законом к *принятию участков земли* в счет погашения долга. Одновременно это является косвенным свидетельством нужды в деньгах среди земельных собственников и сокращения земельного оборота, против чего правительство тщетно принимает различные меры. В целом этот закон является показателем начавшегося упадка денежного хозяйства в империи.

Ослабление обмена и сокращение денежных операций нашло свое отражение также и в том, что в законодательстве Юстиниана был уничтожен такой вид обязательства, как *rescriptum argentariorum*, носящий абстракт-

⁹⁴ Dig., VI, 1.74; XLIII, 18.2.

⁹⁵ Nov. Just., 4. cap. 3. В области залогового права законодательство Юстиниана отличается большим пристрастием к законным, привилегированным ипотекам, что иногда мешает развитию кредитных сделок, так как лишает кредиторов прочного обеспечения. Привилегированные ипотеки обычно даются в пользу жены и других родственников должника, что связано с изменениями в семейном праве. См.: В. М. Х в о с т о в. История. . . , стр. 412—413; е г о ж е. Система. . . , II, стр. 96—126; G. C a s s i m a t i s. Les intérêts dans la législation de Justinien et dans le droit byzantin. Paris, 1931; М. Я. П е р г а м е н т. Договорная неустойка и интерес в римском и современном гражданском праве. Одесса, 1899.

ный характер обещания «банкира» заплатить за счет клиента по обязательству независимо от материальной основы соглашения; теперь *rescriptum argentariorum* потеряло свой всеобъемлющий характер и превратилось в обычное обязательство уплаты долга за другого (*constitutum debiti alieni*)⁹⁶.

Запрет продажи обязательств посторонним лицам (*lex Anastasiana*)⁹⁷, правда, содействовал борьбе против спекуляции на покупке обязательств, но, с другой стороны, все же стеснял нормальный ход деловых сделок и также в какой-то мере служит показателем сокращения денежного оборота.

Упомянутое выше уничтожение разделения между *res mancipi*, включавшими главным образом *земли в деревне, сельских рабов и сельскохозяйственный инвентарь*, и *res nec mancipi*, состоявшими из движимых вещей и собственности *в городах*, способствовало не только более интенсивному обмену между городом и деревней, что поощряло правительство, но и *укреплению частной собственности в городах*, которая теперь была унифицирована с собственностью в деревне, имевшей ранее привилегии, и *уравнена с ней в правах и исковой защите*. Это было весьма серьезным шагом по пути укрепления в городах частной собственности новых хозяев в противовес старой муниципальной собственности.

Все возрастающий индивидуализм производственных отношений способствовал усилению борьбы против коллективных форм собственности⁹⁸. Значительно развивается правовое учение о собственности, усложняются взаимоотношения собственников, совладельцы в коллективной собственности получают большие права. Теперь любой соучастник собственности может наложить вето на любой акт распоряжения общим имуществом со стороны другого совладельца⁹⁹. Каждый участник коллективной собственности теперь может требовать раздела общей собственности (кроме тех случаев, когда хозяйственные интересы использования собственности временно не допускали ее раздела)¹⁰⁰.

Однако в сложных условиях разложения муниципальной собственности и социально-политической борьбы в городах под влиянием муниципальной знати Юстинианом одновременно делались попытки укрепить курию и муниципальное землевладение¹⁰¹. В частности, для сохранения муниципальной собственности декурионам запрещалось без разрешения магистратов отчуждать недвижимость и рабов¹⁰². Запрещение отчуждать

⁹⁶ CJ, IV, 18.2. Под влиянием греческих обычаев формальные юридические сделки все чаще и чаще заменяются неформальным изъявлением воли. В то же время законодательство Юстиниана проявляет явное пристрастие к *письменной форме* различных сделок. Вместе с тем, оно *теряет вкус к абстрактным сделкам*, которые имели бы силу, независимо от материального основания, по поводу которого они заключались (CJ, IV, 21.17). Стипуляция при Юстиниане почти что превратилась в письменный контракт. Всякая сделка, которую стороны решили заключить в письменном виде, не имела силы до составления письменного акта. Документы составлялись обычно в присутствии трех или пяти свидетелей или нотариуса, часто заносились в протоколы курии или другого учреждения (*apud acta condita*), а иные даже подтверждались рескриптом императора (*per rescriptum principis*) (CJ, IV, 18.2).

⁹⁷ CJ, IV, 35.22.23.

⁹⁸ В. З е л е р. Учение о праве общей собственности по римскому праву. Харьков, 1895. В. Н. П е р ц е в. О форме собственности в античном обществе. «УЗ Белорусского университета», серия историч., вып. 1, 1939, стр. 141—147; е г о ж е. О форме собственности в античном обществе. «Исторический журнал», 1939, № 10, стр. 41—44.

⁹⁹ Dig., VIII, 5.11; VIII, 3.2.27; X, 3.28. См. В. М. Х в о с т о в. Система. . . , II, стр. 10—14.

¹⁰⁰ CJ, III, 37.5; Dig., X, 3.14, § 2, 3; XVII, 2.16, § 1. Ср. Dig., X, 3.21; CJ, III, 37.3.

¹⁰¹ Nov. Just. 38.

¹⁰² CTh., XII, 3.1; Nov. Maj., 7.9 (a. 438).

рабов именно в городах говорит косвенным образом о сохранении значения труда рабов для муниципального землевладения.

Подводя некоторые итоги изучению реформ Юстиниана в сфере собственности и владения ¹⁰³, мы можем прийти к выводам, что к VI в. в основном заканчивается длительный процесс правового освобождения собственности *от пут старой римской исключительности и ограниченности*, ликвидация пережитков древней римской собственности различных видов и создание единой универсальной формы собственности, сохранившей, однако (совершенно неправомерно), древнее название квинритской собственности (*dominium ex jure Quiritium*). Сохранение устаревшего названия объясняется приверженностью юристов Юстиниана к консервативной форме правовых норм ¹⁰⁴. В старые мехи, однако, было влито новое вино, и под покровом старой квинритской собственности скрывалась новая универсальная собственность с единой формой передачи и прочной исковой защитой.

Стремление стабилизировать земельные отношения привело к тому, что законодательство Юстиниана одновременно защищает интересы и фактических владельцев, обрабатывающих землю; отсюда вытекают все реформы в правах владения и в правах на чужие вещи (эмфитевсис и др.).

Значение этих реформ было очень велико: именно создание единой формы собственности обеспечило рецепцию Юстинианова права в законодательстве средних веков и нового времени.

Продолжение следует

¹⁰³ В. А. Ю ш к е в и ч. Исследование в области учения о владении, ч. 1 («УЗ имп. Лицея в память цесаревича Николая», вып. 1—4. М., 1907—1910. Приложение, стр. 1—213).

¹⁰⁴ См. F. P r i n g s s h e i m. Die archaistische Tendenz Justinians («Studi in Onore di Pietro Bonfante», I. Milano, 1930).